

A large, solid black silhouette of a man's head in profile, facing right. The silhouette is positioned against a background that transitions from black on the left to a light gray on the right. The text is overlaid on the black portion of the silhouette.

ЮРИЙ БАРАТАШВИЛИ

ИЗБРАННОЕ

18+

Юрий Бараташвили

Избранное

<https://litres.ru/74313828>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Если все люди на земле вдруг перестанут утверждать то, чего на самом деле не знают – мир погрузится в тишину».

В книге собраны лучшие повести и рассказы автора.

Содержание

Страх пустоты	4
Полутьма	79
Первое вандемьера	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Избранное

Страх пустоты

Катеньке

экзистенциальная повесть

*Ум при своём разложении
выделяет истину.*

Платонов

Пролог

У нас в школе был мальчик-пророк. Всякий раз угадывал, кого к доске вызовут, кто какую оценку получит... А как-то раз подошёл ко мне, ткнул в меня пальцем и говорит: «Ты умрёшь». Прошло девяносто лет – и я действительно умер.

Другие всё твердили мне: «Не пей столько водки – доведёшь себя до могилы!» Тоже ведь правы были: каждый Божий день квасил – вот и почил на сотом году.

Некоторые ждали, ждали – уж думали, не дождутся. А куда деваться – все в итоге получили своё. Непонятно только, о чём я тут собрался рассказывать, если меня уже нет на свете.

Как говорится, *умер сам – не мешай другим*.

А дело вот в чём: моё последнее предсмертное решение повлияло в итоге на стольких людей и имело такие масштабные последствия, что по значению своему превзошло всю мою долгую и никчёмную жизнь.

I

Молодой человек – назовём его Александр – нервно ходил по комнате из угла в угол, покусывая ногти, то и дело боязливо поглядывая на улицу. Ему казалось, за ним следят. Вон тот чёрный фургон неспроста уже который день стоит возле дома. А вон та странная парочка так и косится битый час прямо на его окна. Разумеется, они знают, что он дома. Почему же наконец не поднимутся и не арестуют? «Что делаешь, делай скорее». К чему эта бесконечная пытка неопределённостью? Или в ней весь смысл?

Он всегда был аполитичен и ни разу не замечен ни в чём, что хоть отдалённо напоминало бы протестную акцию. Когда друзья-либералы один за другим покидали страну и твердили, что ему тоже «пора валить», что здесь будет только хуже – он и не думал спорить, лишь понимающе кивал и искренне желал удачи на новом месте, но всё же сам никуда не дёргался: мол, посмотрим, когда-нибудь, может быть...

Когда ему в сотый раз повторяли знаменитую цитату пастора Нимёллера, он отвечал, что если так рассуждать, то

жить надо на другой планете, всегда и везде за кем-то приходят, а у нас, слава Богу, не тридцать седьмой год и совсем уж без причины абы кого не хватают. Невозможно из-за каждого сомнительного ареста бросать всю с таким трудом налаженную жизнь и начинать её заново где-то ещё.

Однако такие уж нынче времена: гребут всех подряд по каким-то притянутым за уши поводам. Фирма, где он работал, производила вроде бы совершенно безобидный контент. А если и нет – он-то тут при чём? Простой технический служащий, уж точно не отвечающий за содержимое продукта. И вот на́ тебе – гендиректора внезапно арестовали по абсурдному, очевидно надуманному обвинению, а вслед за ним полетели все вплоть до курьеров и уборщиц, которые знать не знали, чем занимается компания. Кто-то успел слинять за кордон, кто-то скрывался, но ясно было, к чему всё идёт: рано или поздно посадят всех.

Вот и наш Александр ожидал ареста с минуты на минуту, дрожал от страха, скрипел зубами и лихорадочно соображал, что ещё можно предпринять, куда уехать и где спрятаться. Только что с ним связался лучший друг и коллега – айтишник, которого взяли вчера. И ведь умудрился же как-то позвонить прямо из камеры, с информацией, как говорится, из первых рук:

– Саня, беги, за тобой уже едут!

Не прошло и пяти минут – звонок в дверь. Александр замер, покрылся ледяным потом и боялся даже вдохнуть. Вос-

кресли в памяти жуткие слухи о том, что творится в нынешних застенках. Представил, как его пытаются, заставляют сдавать друзей и коллег, а потом сажают в камеру с матёрыми уголовниками. Вспомнил сцену из фильма «Хрусталёв, машину!», где урки насилуют героя в грузовике. Александр – изнеженный, избалованный комфортом москвич, который даже не дрался ни разу – разумеется, не выживет в таких условиях, сломается в первые же дни.

Может, не открывать, сделать вид, что его нет дома? Не станут же они ломать дверь. Но ведь это вопрос времени, рано или поздно его схватят. Ожидание ареста страшней самого ареста – адские муки лишь продлеваются, а наши доблестные органы от лишней беготни становятся ещё злее.

Всё это за секунды пронеслось в голове, прежде чем он решился подойти к двери и глянуть в глазок. Но он никак не ожидал увидеть то, что увидел: там стоял маленький и толстый, лысый и неопрятный мужичок, совершенно ему не знакомый и явно не из полиции. Может, очередной рекламный агент пришёл что-то впаривать в самый подходящий момент? Но ведь он не звонит во все квартиры подряд, а терпеливо ждёт, пока ему откроет Александр – значит, пришёл по адресу. Кто же он такой и чего ему надо? Любопытство превозмогло страх – и Александр открыл.

– Здравствуйте. Вы кто?

– Добрый день, Александр. Вы меня не знаете, но я могу вам помочь.

– В чём именно помочь? И каким же образом?

– Позвольте войти? Хуже не будет.

«И то верно, – подумал Александр. – Что бы там ни было, хоть отвлекусь». Он впустил гостя и усадил за стол.

– Как мне вас называть?

– Лучше вам не знать моего имени. Я представляю организацию, которая оказывает особые услуги таким, как вы.

– Таким, как я – это каким же, позвольте узнать?

– Людям, которых неминуемо арестуют в ближайшее время.

– Откуда вы знаете... – едва открыл рот Александр, но гость явно ждал этого вопроса и тут же перебил:

– Наши источники информации не должны вас волновать. Гораздо важнее то, что в ближайшие минуты за вами придут – и времени на раздумья у вас немного.

– Как же вы собираетесь меня спасти?

– Я поселю вас в особой квартире, где вас никто никогда не найдёт. Даже вы не будете знать, где находитесь, это будет известно только мне. Я буду приносить вам еду и обеспечивать всем необходимым, но вы не сможете выйти оттуда и должны будете сидеть тихо, не подавая признаков жизни.

– И сколько же мне там торчать?

– Как бы то ни было, терять вам нечего. Это явно лучше, чем тюрьма. И там вы будете в безопасности неограниченное время – столько, сколько потребуется.

Александр облегчённо вздохнул. Неужели проблеск на-

дежды? Неужели получится избежать ареста? Он одинок, родители умерли, девушки нет, друзья разъехались или уже сидят – никто не будет искать его, кроме полиции, никто не будет по нему плакать. Ничто не держит его в этой жизни теперь, когда и работы больше нет, и свобода под вопросом.

Сейчас для него важно лишь одно: там, в этой тайной квартире, он сможет хоть какое-то время пожить без удушающего страха. Там его ждёт самое вожделенное и долгожданное – то, чего люди обычно не ценят, пока не потеряют. Как сказал один поэт:

Миллионеру – снится нищета.
Оборванцу – золото рекой.
Мне – моя последняя мечта,
Неосуществимая: покой.

– Сколько же стоят ваши услуги? – спросил он загадочно-го незнакомца.

Тот молча достал листок бумаги и написал на нём цифры, которые поначалу повергли Александра в шок.

– Вы с ума сошли? Это всё, что у меня есть!

Но у гостя и на это был явно готов ответ:

– Не так уж много за спасение вашей жизни, не правда ли? Выбирая между деньгами и свободой, что бы вы предпочли? Кроме того, вам следует уяснить себе три вещи. Во-первых – долгое время мне придётся кормить и содержать вас, то есть тратить ваши деньги на вас же. Во-вторых – я

рискую сам оказаться в тюрьме. Наконец, в-третьих – если вы откажетесь, вас сегодня же арестуют, и все ваши средства так или иначе будут конфискованы. Так кому же вы охотнее передадите свои сбережения – мне или государству?

Выбор был очевиден, и Александр отдал всё и доверил свою жизнь этому странному человеку, который посадил его в свои старенькие «Жигули» и повёз неизвестно куда. Ещё пару дней назад он и сам счёл бы такое решение опрометчивым, если не сказать безрассудным. Но в конце концов, что с ним могли сделать хуже, чем уже сделали?

– Вы должны это выпить. До дна. – Толстяк протянул Александру бутылку с прозрачной жидкостью. Ни вкуса, ни цвета, ни запаха – просто вода.

– Что это?

– Как я уже сказал, вы не должны знать, куда мы едем. Поэтому вы уснёте и проспите всю дорогу.

Александр выпил и моментально отключился. Ни снов, ни видений, ни чувства времени – словно закрыл глаза и через мгновение открыл в другом месте. Вот он уже лежит на кровати, а Толстяк сидит рядом за столом в ожидании его пробуждения.

Огляделся: квартира-студия, маленькая, всего метров двадцать, но так мало мебели, что даже просторно. Слева от входа – туалет, затем небольшая кухня с парой шкафчиков, электрической плиткой и низеньким холодильником. В углу – мусоропровод, прямо в квартире, как бывало в советских

коммуналках. Напротив двери – широкое занавешенное окно с батареей под ним, приоткрытая форточка для свежего воздуха. Справа – столик, стульчик и кровать. Всё было предельно простое и дешёвое, однако новое, явно ещё никем не использованное.

– Просыпайтесь, Александр.

– Сколько я проспал?

– Вам сейчас нужно понять главное, – ушёл он от ответа.

– Вы должны жить здесь максимально тихо, ничем не выдавая своего присутствия. Никто не знает, что вы здесь. Ваши соседи думают, что квартира пуста. Они должны думать так и дальше – это залог вашей безопасности. В противном случае я не смогу вам помочь. Выдадите себя – и больше меня не увидите. За последствия не отвечаю. Вы не должны включать свет, открывать шторы и выглядывать в окно. В холодильнике еда на неделю, потом я приду и принесу ещё. На этом я вас оставляю. Желаю удачи.

Толстяк осторожно приник ухом к двери, затем быстро и бесшумно, насколько возможно, открыл и закрыл её за собой. Наш герой остался один в тишине и полутьме.

Вопреки предостережению, он тут же подошёл с краю к окну, чуть отодвинул штору и глянул на улицу так, чтобы этого нельзя было заметить снаружи. Увиденное слегка поразило его: бесконечная прямая без единого деревца, только одинаковые маленькие пятиэтажки по обеим сторонам. Даже местный, прожив тут всю жизнь, не отличит родной дом

от других, будет идти и считать дома, чтобы найти свой. Ни единой живой души, ни единой машины. И внутри, и снаружи всё было таким серым и унылым, что казалось, цветные фотографии этого места ничем не будут отличаться от чёрно-белых.

Однако здесь он в полной безопасности, ему нечего бояться, никто и ничто его не побеспокоит. Он лёг на ту же кровать, раскинул руки, вдохнул полной грудью. Наконец-то покой, никуда не надо бежать, ни о чём переживать, можно просто расслабиться и отдыхать. Он словно герой фильма «Пианист», спрятанный от нацистов – в этом было даже нечто романтическое. Раньше он счёл бы кошмаром это вынужденное заточение в четырёх стенах на неопределённый срок, но в нынешних обстоятельствах это была мечта, неожиданно свалившаяся ему на голову в тот самый момент, когда казалось, что жизнь кончена.

Он не знал, что ему предстоит провести здесь остаток дней.

II

Сколько было разговоров про интернет-зависимость! Мол, современная молодёжь и пяти минут без гаджетов не протянет. Но ведь это лишь первая, низшая ступень гораздо более сложной проблемы. И для нашего Александра далеко не самая страшная. Он был слишком умен, образован,

начитан, чтобы страдать без смартфона. Может, и предпочёл бы сейчас почитать книгу, послушать музыку, посмотреть сериал, но и в своём глубоком внутреннем мире чувствовал себя вполне комфортно. Словно погрузился в далёкое детство, когда интернета почти не было, так что его отсутствием Александра не напугаешь.

Однако что-то же надо делать, чем-то надо себя занять. Первое время он изучал обстановку. Больше всего поражала абсолютная тишина, какой никогда и нигде невозможно найти в городе. Казалось, он слышит стук собственного сердца, а дышит так громко, что могут услышать соседи через стену. До его ушей доходили только те звуки, которые издавал он сам, словно во всех этих бесконечных пятиэтажках жил только он.

Но тем страшнее было нарушить эту всеобъемлющую тишину. Всякий раз, когда он случайно задевал угол кровати, ударял вилкой о тарелку, даже просто чихал или кашлял – казалось, всё кончено и через минуту за ним придут. Смыв унитаза или кипение воды в кастрюле оглушали своим грохотом и заставляли мысленно прощаться с жизнью.

Однако вскоре слух приспособился – вероятно, стал таким чувствительным, что, вернувшись в столицу, он бы моментально оглох. Постепенно перестал бояться мелкого шума, поскольку не слышал такового от соседей. Видимо, звукоизоляция здесь неплохая.

Да и есть ли они – соседи? Чуть отодвинув край шторы, он

подолгу глядел исподтишка на улицу и соседние дома, ожидая увидеть хоть малейшие признаки жизни, хоть одного человека или машину. Но бесконечная прямая в обе стороны была совершенно пустынна. Не было даже бродячих животных, птиц, насекомых. Только одинаковые серые домики, в каждом, очевидно, по двадцать таких же серых квартирков. Сам он был на третьем из пяти этажей, вход со двора, так что он не мог даже видеть, заходит ли кто-то или выходит. В двери не было глазка, чтобы он мог хотя бы выглянуть в коридор.

Человек – животное социальное, и следующая ступень проблемы гораздо более значительна: нам необходимо общение. Интернет – лишь одно из средств, суррогатов, если угодно. Во все времена человеку прежде всего был необходим другой человек.

В одном аргентинском детективе герой по-своему наказал маньяка, который убил его любимую девушку и ушёл от правосудия: запер его в клетке у себя на заднем дворе, долгие годы держал там и кормил. Когда всё это дело обнаружил полицейский, маньяк умолял лишь об одном: «Пожалуйста, скажите ему, чтобы он со мной разговаривал!»

Толстяк приходил раз в неделю, и Александр с каждым разом всё больше жаждал задержать его подольше и перекинуться парой слов хоть о чём-нибудь. Однако тот избегал всякого общения, старался оставить еду и скорее уйти, словно опаздывал на важную встречу.

Ночью на улице не было никакого освещения, однако звёзды светили так ярко, как он никогда и нигде не видел. Отсюда возникли его первые мысли о том, где он находится. В отключке он был, очевидно, недолго, не больше пары часов – а значит, далеко увезти его не могли. Но где в Подмосковье или ближайших областях может быть подобное место? Вроде бы теплее, чем в Москве, выше влажность, частые дожди и почти постоянный ветер – сильный, но тёплый. Не может же он быть настолько далеко от дома, чтобы сменился климат?

Однако где в густонаселённой европейской России можно найти столь беспредельную тишину и столь яркое звёздное небо? И почему даже в самую ясную погоду на горизонте в обе стороны не видно ни одного деревца и ни одной другой постройки, кроме этих бесконечных серых пятиэтажек? Место, где он оказался, всё больше притягивало его своей загадочностью. Толстяк на все вопросы лишь отмахивался, не давал даже отдалённого намёка на их географическое положение.

Еда, которую ему приносили, не отличалась изысканностью и разнообразием: картошка, которую приходилось чистить ногтями, макароны, сосиски, хлеб, колбаса, сыр, яйца, различные консервы, чайные пакетики – но всё без заводских упаковок и этикеток, так что невозможно было понять, где куплено. У него был один консервный нож, одна тарелка, одна вилка, одна чашка, одна чайная ложка. Он пил воду из-под крана – по заверениям Толстяка, кристально чистую – и

грел её в кастрюле, поскольку не имел даже чайника.

У него была только та одежда, в которой он сюда прибыл, и стирать её приходилось в раковине обычным мылом. Чтобы подольше её не изнашивать, он стал ходить по квартире голым, пока не наступал долгожданный день прихода Толстяка – в остальное время Александра всё равно никто не видел.

В какой-то момент безделье стало накрывать его, накатывать, словно паническая атака, придавливать своей непомерной тяжестью. Он стал ходить туда-сюда по комнате, пока не начинала кружиться голова. Пытался измерить площадь, не имея рулетки, собственным ростом: ложился на пол и мысленно помечал, где начинается и заканчивается его тело, чтобы хоть примерно подсчитать, сколько Александров поместится на полу – выходило что-то около двадцати.

В первые же недели он заметил, что мышцы атрофируются из-за недостатка подвижности. Спал долго и крепко, а просыпался всё равно почему-то разбитым, словно полночи бухал. Встать и добрести до туалета вскоре стало уже не легче, чем пробежать марафонскую дистанцию. От мытья посуды или стирки уставал так, словно отработал смену в шахте.

И тогда он начал делать зарядку, что всегда считал полезным, но, как и большинство людей, ленился. Теперь это было для него ещё и спасительным убийством времени, поэтому тренировался он особенно долго и усердно, многократно повторял одни и те же упражнения, пока не валился без сил.

Онанизмом он занимался по три раза на дню. Желания не было, как и возможности смотреть порно, чтобы хоть как-то себе помочь – достичь кульминации не удавалось иногда по целому часу. Усталость порой была сильнее, чем от зарядки, руки болели так, что вилка казалась тяжелее пудовой гири. Но всё же и это было спасительным убийством времени.

Позже он дошёл до того, в чём постыдился бы признаться, как человек умный и деятельный: играл сам с собой в города, вспоминал стихи, которые когда-либо учил наизусть, и сочинял новые, откровенно дурацкие рифмы с похабными шуточками. В какой-то момент даже пытался сосчитать волосы на голове. Воскрешал в памяти все споры, какие доводилось вести, и мысленно продолжал дискутировать с оппонентами, едва слышно шевеля губами, придумывал всё новые и новые аргументы обеих сторон, отыскивал всё более удачные формулировки.

Понимая, что любой гаджет может выдать его местоположение, он чуть не на коленях умолял Толстяка принести хотя бы игральные карты, чтобы он мог раскладывать пасьянс, а ещё лучше – тетрадь и карандаш, чтобы вспомнить подростковое увлечение сочинением детективных рассказов. Но тот отказывал, даже не объясняя причин.

В конце концов парень докатился до того, что серьёзно, очень серьёзно, слишком серьёзно увлёкся почёсыванием собственного тела. Это появилось как что-то вроде нервного тика, но постепенно выросло в целую концепцию: десять

минут он чешет правую руку до локтя, десять — выше локтя, следующие десять — левую ногу до колена и так далее. Мысленно делил тело на участки, которые методично проходил один за другим в строго определённом порядке. Ни один миллиметр кожи не должен был остаться не почёсанным. Вскоре он заметил, что пол усеян белым порошком его эпидермиса, словно мукой. Не имея веника, стал собирать его голыми руками в пустые банки из-под консервов, поражаясь тому, что за пару недель банка целиком заполняется его кожей.

Маникюрные ножнички были одним из немногих приспособлений в его распоряжении, и он тщательно подстригал ногти, чтобы не слишком себя царапать. Однако кожа покрылась красными пятнами и болячками. Александр и в этом нашёл важное дополнение к своей науке: счёсывать болячку нужно аккуратно и правильно, держа руку или ногу неподвижно и строго параллельно полу, чтобы капелька крови застыла ровным кружочком. По утрам он с упоением отколупывал эти красные кружляшки и наблюдал, как на их месте образуются такие же новые. А старые складывал в другую банку, которая наполнялась ещё быстрее, и радовался тому, какие они ровные и одинаковые.

В своё время прочитав «Мёртвые души», он счёл художественным преувеличением то, что Тентетников полдня протирает глаза. И вот он сам тратит целые дни на почёсывание, хотя совсем недавно ни за что не поверил бы, что будет зани-

маться такой чепухой, да ещё с таким увлечением. Это оказалось настолько эффективным убийством времени, что казалось, он мог написать об этом книгу, защитить диссертацию на тему «Как можно чесаться и как делать это лучше всего».

Однако всё это было лишь отсрочкой. Рано или поздно его неизбежно должно было настигнуть нечто гораздо более значительное и страшное.

III

Я не обладаю талантом Томаса Манна, чтобы сотни страниц описывать бездействие увлекательнее, нежели любое действие. Поэтому сразу выложу все карты на стол и дам немного теории, ибо то, с чем столкнулся в итоге наш герой, гораздо проще объяснить, нежели описать. Хотя и объяснить непросто.

Как влияет на человека вынужденное длительное безделье — тема не исследованная, хотя, может быть, достойная исследования больше, нежели любая другая. Видимо, на такое исследование просто нет запроса. Казалось бы, что же тут особенного? Ну сидит человек безвылазно в одной комнате и ничего не делает, пребывает наедине со своими мыслями день, месяц, год... Что он при этом испытывает и как эта ситуация меняет его — никто толком не знает и, главное, даже не подозревает, что в этом кроется нечто сколько-ни-

будь значительное.

Может быть, дело в недостатке живых свидетелей, которые прошли бы через это и убедительно поведали о своём опыте. Будем честны: что бы мы знали о холокосте, не будь Анны Франк, Ханна Арендт, Виктора Франкла, а потом, как следствие, «Пианиста» и «Списка Шиндлера»? Было бы столько разговоров об этом? В Руанде в девяносто четвёртом было не лучше, но все об этом забыли, потому что никто не оставил душещипательного художественного описания, кроме разве что Терри Джорджа.

Однако в нашем случае, как бы это ни казалось просто и доступно, пережили подобное лишь очень немногие. И рассказать об этом скорее не захотели, чем не смогли: во-первых, неприятно, а во-вторых, никто не поймёт. Это явление не имеет даже названия, хотя мало что может сравниться с этим опытом по масштабности и значительности влияния на личность.

Как говорит один писатель, Наполеон на Эльбе «целыми днями ходил по берегу, заложив руки за спину, и смотрел на горизонт». И вот спустя почти год таких прогулок по острову он каким-то чудесным образом оттуда сбегает, хотя это казалось невозможным, но сбегает уже другим человеком: зловещий тиран, не моргнув глазом угробивший миллионы ради своих безумных военных авантюр, начинает *жалеть людей*. Отказывается от террора, который для него дело привычное, а теперь, очевидно, единственное средство удержания вла-

сти, о чём твердят ему все вокруг. Кто-то даже услышал от него немыслимое: «Я теперь частное лицо, а для спасения частного лица жертвовать другими жизнями невозможно». И, конечно же, в результате он проигрывает всё что можно и очень скоро оказывается на другом острове, где умирает в жестоких муках.

Тот же писатель считает и Ленина фигурой возвышенной, потому что у него «была длительная болезнь, связанная с изоляцией от внешнего мира – он мог переосмыслить то, что сделал». В отличие, например, от Гитлера, который «так ничего и не понял – Бог не послал ему даже тяжёлой болезни, чтобы был повод призадуматься». И вот Ильич, по свидетельству охранников, *воет на луну*. И где-то даже произносит: «Мы провалились».

Так что же происходит с человеком, который надолго остаётся наедине со своими мыслями? И почему изоляция на нас, социальных животных, влияет порой сильнее, нежели любое взаимодействие с другими людьми?

Испокон веков люди искали способы расширить своё сознание и постичь истину, лежащую за пределами обычного восприятия. На этом стоят все религии и философские учения. Умнейшие люди давно поняли, что истина – не где-то снаружи, а внутри нас. И как только не истязали себя, чтобы её из себя извлечь!

Гурджиев выделял три пути познания: путь монаха, путь факира и путь йогина – и, в свою очередь, проповедовал чет-

вёртый путь, который даже не требовал отказа от обычной жизни. Глубина его прозрения в том, что истина – гораздо ближе, чем кажется, буквально у нас под ногами. Но даже он не сделал последнего шага.

В одном французском ужастике додумались до того, что истина якобы открывается человеку на пределе физических страданий, и создали целую организацию, которая зверски пытала людей. Наконец одна несчастная девушка на последнем издыхании что-то нашёптывает главной тётке – и та сразу пускает себе пулю в лоб. Вроде дурацкий фильм – а как глубоко копнули! Вероятно, сами не поняли. Ведь в этом же вся суть: человек на самом деле *не хочет* знать истину, *боится* её узнать.

Как говорит милая героиня одного рассказа: «Каждый думает, что выбрал бы красную таблетку – но лишь потому, что убеждён: там будет именно то, чего он ожидает». Большинство людей и вовсе уверены, что уже знают истину, и рады открыть её нам, неразумным. Любой идиот уверен, что 99 % людей – дураки и именно он входит в 1 % умных. А если уж истязать себя ради истины – то ради той, которая стоит моих страданий, той, которая откроет глаза моим оппонентам, лишит их малейшей возможности увильнуть от признания своих заблуждений!

Всякая человеческая деятельность, заполняющая наше время и занимающая наш мозг, не даёт ему слишком далеко и глубоко мыслить, ограничивает его возможности, ставит

железный щит на его пути, чтобы он не сумел достать до самого дна. Все религии и учения, культура и искусство, пути Гурджиева – в этом плане не исключение. Они лишь уводят в сторону от декларируемой цели, в то время как настоящий путь к ней предельно прост: нужно только *остановиться и задуматься*.

Однако именно этого мы больше всего и боимся. Если в прежние времена почти всё время человеческой жизни уходило на добывание пищи и поддержание быта, то по ходу прогресса мозг всё больше освобождается – но вместе с этим человек придумывает всё больше способов его занять. Интернет, дающий небывалые возможности для развития мышления, в то же время даёт и небывалые возможности для пустого убийства времени, которые становятся всё более многочисленны и всё более примитивны.

В античной философии было понятие *horror vacui*, дословно – *страх пустоты*: природа не терпит вакуума, если он возникает, материя немедленно стремится его заполнить. Вот и наш мозг, освобождённый от прочих занятий, поскольку ему нечего больше делать, неизбежно достигает предела мышления – того самого, от которого всячески пытался себя уберечь, поскольку нет ничего страшнее. И эта открывшаяся ему истина ужасает, обездвигивает, парализует сознание.

Но из этого состояния никогда уже нельзя выйти, потому что истину, как бы она ни была страшна, однажды познав – невозможно забыть, однажды увидев – невозможно разви-

деть. Как невозможно не думать о белом медведе, если тебе сказали: «Не думай о белом медведе».

Таким образом, человеческое мышление как эволюционный механизм по-своему уникально: полезно лишь тогда, когда работает не в полную силу. Выходит, главное достижение эволюции – в то же время её тупик. Потому что, достигнув дна, человек становится беспомощен перед величием открывшейся ему истины. В этом есть даже какая-то нелепость: лучшее, на что мы способны – *осознать* свою беспомощность, но сделать с ней ничего не можем. Так что, пожалуй, самое лучшее определение человека – это: *существо на двух ногах и нелепое*.

Иными словами, все наши устремления, благородные или нет, направлены прежде всего на то, чтобы *забыть* о том, насколько мы ничтожны, не замечать этого, каким угодно способом внушить себе, что мы прекрасны, и любыми путями поддерживать в себе это заблуждение. Как сказал один писатель: «Смысл жизни – во всём, что помогает забыть о её бессмысленности». И только наедине с собой, лишённое бесконечных заслонок, которые мы ставим на его пути, наше мышление неизбежно приходит к выводу, что мы ни хрена в этой жизни не знаем и не понимаем.

Подлинное знание подобно числу π : где-то между 3,1 и 3,2, но точное его место на шкале установить невозможно. Каждая цифра после запятой сдвигает его вправо или влево, а цифры эти, как известно, бесконечны, и никакой законо-

мерности в них не смог найти даже герой Аронофски. Так и факты, на которых основаны наши выводы, бесконечны, и никакой ум не способен вместить целиком даже жалкий их процент. А ведь каждый из них так или иначе должен влиять на конечный вывод и двигать чашу весов в ту или иную сторону.

Солженицын в «Красном колесе», по его же словам, ставил себе задачу собрать все известные факты о революционных событиях, чтобы во всей густоте этих фактов некуда было вставить чьё-либо субъективное видение – однако и сам не преминул вставить своё, даром что потратил тысячи страниц на описание нескольких дней Февральской революции. И это семнадцатый год, когда не то что интернета, даже радио почти не было. В наши дни можно выбрать одну любую минуту и поставить себе задачу собрать всю существующую информацию о том, что в эту минуту происходило в мире – всю жизнь будешь заниматься только этим.

Мы можем быть совершенно уверены в том, что дважды два четыре, а Земля круглая и вращается вокруг Солнца. Всё, что хоть немного сложнее этих школьных прописных истин, лежит в области неизведанного. Однако мы убеждаем себя, что всё знаем, и всячески давим в себе сомнения, поскольку жить в непознаваемом мире невыносимо страшно. Как сказал герой одного рассказа: «Если все люди на земле вдруг перестанут утверждать то, чего на самом деле не знают – мир погрузится в тишину».

Мы живём на одной из миллиардов планет в одной из миллиардов галактик в одно из миллиардов столетий её истории – на фоне этой основополагающей истины кажется ничтожной деятельность даже таких гигантов, как Наполеон и Ленин. Однако мы, будучи столь очевидно жалкими песчинками, невероятно изобретательны в придумывании причин не замечать, что мы жалкие песчинки, а ещё лучше – не считать себя таковыми.

Столь же ничтожна и вероятность появления на свет каждого из нас: сколько наших предков со времён обезьяны должны были выжить в жестоком мире природы, чтобы в конце концов мама случайно встретилась с папой, а потом из миллионов сперматозоидов в каждой папиной эякуляции именно этот первым достиг маминой яйцеклетки. Мы живём в царстве тотальной случайности, но столь же изобретательны в умении убеждать себя, что хоть что-то контролируем.

Наконец, мы могли бы родиться в фашистской Германии – и так же страстно верили бы в гитлеровскую идеологию, как сегодня верим в демократию и права человека, громко осуждая нацизм. Правильно это или нет, мы думаем так лишь потому, что так принято думать в обществе. Все наши взгляды и убеждения мы позаимствовали у окружающих, а если и породили сами, то по шаблонам, которые навязаны другими. Однако мы склонны преувеличивать самостоятельность своего мышления и недооценивать его зависимость – и в этом наша изобретательность также не знает

меры.

А чтобы нашему мозгу было ещё комфортнее, мы стараемся игнорировать всё, что противоречит нашим взглядам, и замечать лишь то, что их подтверждает. Все это знают, но ведь каждый думает, что этой болезни подвержены лишь его оппоненты. Интернет как никогда помогает развивать свой интеллект и приближаться к истине, но он же как никогда помогает всё глубже закапываться в своих заблуждениях: ведь в какую бы бредовую чушь ты ни верил – там можно найти столько доказательств её верности, подтверждающих её фактов и авторитетов, сколько не разгребёшь за целую жизнь.

Словно дети, мы отрицаем всякое сомнение и достраиваем свою картину реальности бесконечными домыслами и допущениями – а потом верим в них так же свято, как в самые точные научные данные. Один писатель сказал: «Нужно жить лет триста, чтобы не умереть таким же дураком, каким родился». Я же думаю, можно прожить, как Мафусаил, почти целое тысячелетие – и стать ещё глупее.

IV

В «Волшебной горе» есть интересное рассуждение о парадоксальности нашего восприятия времени: короткие его отрезки, минуты и даже секунды, порой длятся бесконечно долго – при этом годы проносятся, как дуновение ветра.

Вот и наш Александр порой тщетно пытался убить мину-

ты и секунды, шагающие тяжёлой поступью, считал мгновения до прихода Толстяка, несущего хоть какое-то развлечение – а потом и сам не заметил, как провёл в этой комнате целый год.

Зимой усилился ветер, участились дожди и грозы. Батарея почти не грела, и в комнате было холодно. Александр почти всё время лежал, закутавшись в одеяло и стуча зубами. Однако температура едва ли хоть раз опустилась ниже нуля, и снега не было, что породило ещё больше вопросов о его местоположении.

Но всё это не слишком его волновало, поскольку он уже был другим человеком – постигшим всю глубину своей ничтожности и бессмысленности своего бытия. Он уже не боялся ареста, как не боялся умереть в этой комнате. Он просто не видел для себя места в прежней жизни, не мог придавать значения ничему из того, что было значимо для него прежде. Никто не поймёт и не примет нового Александра. Подобно герою «Олдбоя», он рано или поздно вернётся сюда, потому что только здесь его место.

На себя прежнего он взирал теперь как на чужого человека, совсем на него не похожего и жившего очень давно, в другую эпоху. Он был чудовищно глуп и самоуверен, мнил из себя невесть что, а сам, словно лабораторная крыса, верил лишь в то, что ему внушало окружение, и выдавал на всё предсказуемые, запрограммированные реакции.

Однако это не было высокомерным взглядом свысока, а

скорее чем-то противоположным: «Я ничем не лучше тебя, просто осознал, что я есть. Но это моя трагедия, а не преимущество. И нет в мире большей трагедии, чем правда о человеке. Ты был слеп, но хоть как-то мог жить, к чему-то стремиться, на что-то надеяться – для меня же ни в чём нет смысла и ничто не имеет значения. С точки зрения общества, я тяжело и неизлечимо болен, хотя у меня всего лишь открылись глаза».

Он больше не чесался, не ходил по комнате и не считал свои волосы. Целыми днями он лежал на кровати и смотрел в пустоту. Это стало его естественным состоянием, даже единственно возможным. Ему уже не было скучно, его не мучило бесконечное вынужденное бездействие, он не искал, чем себя занять, лишь бы скорее бежало время. Он сожалел лишь о том, что согласился сюда приехать – любые мучения, любую каторгу, даже самую жестокую смерть он предпочёл бы, лишь бы забыть то, что ему открылось. Но это было невозможно. Пути назад не было.

«Боже! – хотелось ему взывать к небесам. – Забери у меня это величайшее проклятие – разум! Более страшной пытки Ты не мог придумать для человека, нежели способность мыслить!»

«Я мыслю – значит, существую», – сказал философ. «Потому что жизнью это не назовёшь», – добавил один умный человек.

Толстяк теперь заходил, ставил на пол пакет с едой и ухо-

дил, не сказав ни слова. При этом снисходительно улыбался: мол, наконец-то и этот дошёл до той стадии, когда не нужно больше увиливать от разговора с ним. Александр даже не смотрел в его сторону. Не то чтобы он совсем больше не нуждался в общении, просто осознал бесплодность попыток разговаривать этого странного человека и смирился с тем, что ничего от него не добьётся.

И всё же что-то внутри нашего героя ещё цеплялось за жизнь, сколь бы бессмысленной она ни казалась. Он понимал, что долго так не протянет. Ему даже не нужно было и не хотелось совершить самоубийство как таковое – он понимал, что и так скоро умрёт. Просто потому, что перестал есть и даже не чувствует голода. Перестал двигаться и не замечает, как деревенеют мышцы, а на спине растут пролежни. Перестал мыться и выбрасывать мусор, но не чувствует вони, заполнившей комнату. Жизнь сама потихоньку уходила из него, словно просачивалась сквозь пальцы, а ему просто было плевать.

Никто не мог помочь ему, кроме него самого. Чтобы выбраться из этой ямы, вытащить себя за волосы из болота, он должен был как-то обмануть себя, прикинуться, внушить самому себе, что для него ещё что-то важно и он ещё способен к чему-то стремиться. Ему необходима была хоть какая-то цель, хоть какое-то действие, хоть какая-то работа мысли.

И он видел лишь один путь: попробовать разобраться и понять, что здесь происходит, где он находится, как и почему

здесь оказался. А главное – за этими стенами, в этих одинаковых серых домиках вокруг него должны быть такие же, как он. Они тоже прячутся, их привёз сюда такой же Толстяк, и они наверняка пережили то же самое – а значит, только они способны его понять.

Жизнь без действий и событий, которую так трудно описывать, рано или поздно должна была кончиться. Даже в «Волшебной горе» есть любовный треугольник, смертельная дуэль и окопы Первой мировой. А наш герой наконец додумался хотя бы взять свою чашку и приложить к стене кухни, а своё ухо – к доньшку. Там, за стеной, должна быть такая же кухня – и, если там тоже кто-то прячется, он непременно услышит хоть что-то, когда тот будет кипятить воду, мыть посуду, открывать консервы или просто повернёт кран, чтобы попить.

Долгие часы сидел он на столешнице кухни и вслушивался в тишину соседней квартиры. Ему всё равно было нечего больше делать, он не чувствовал усталости и не замечал течения времени. Дождался ясной и безветренной погоды, чтобы ухо ловило малейший шорох. Весь обратился в слух, стараясь даже дышать беззвучно.

И наконец стал что-то слышать: журчание воды в душе, смыв унитаза, лязг консервной банки, скрип пола под ногами, шорох мусора, летящего по мусоропроводу, звон чайной ложки, размешивающей чай – там определённо жил его собрат по несчастью, который тоже старался вести себя тихо и

ничем не выдавать своего присутствия.

Нужно было проверить ещё одну догадку. Когда в следующий раз явился Толстяк, Александр, как обычно, сидел на кровати и молча смотрел в пустоту. Но стоило тому выйти за порог – моментально бросился к своему наблюдательно-му пункту. Острый слух подтвердил гипотезу: Толстяк точно так же зашёл в соседнюю квартиру, поставил на пол пакет и молча ушёл.

И тогда Александр, наоборот, дождался шумной погоды: разгул ветра, ливень, гром и молнии. Протиснулся за трубу мусоропровода, наклонился к самому полу и постучал по стене. Убедился, что она тонкая и хрупкая, и начал потихоньку ковырять её консервным ножом. Скорее всего, там такой же мусоропровод, и дыра в этом месте не будет заметна, а он сможет увидеть соседа, когда тот подойдёт к окну. Ему некуда было спешить, он ковырял аккуратно, чтобы шорох не был слышен за грохотом стихии.

Ещё пара таких же грозных ночей – и между соседними квартирами наконец образовалось отверстие толщиной в палец. Теперь он часами лежал на полу и глядел в эту дырку, почти не моргая. Звуки из той квартиры стали слышны и без чашки. Сам он старался издавать их поменьше, чтобы не выдавать себя. Затыкал отверстие простынёй, когда нужно было включить воду или сходить в туалет.

Там действительно была такая же труба мусоропровода, и под определённым углом между ней и стеной открывался

хороший обзор на пространство в непосредственной близости от окна. Александр подолгу лежал на полу в неудобной, неестественной позе. Болели руки, спина, шея, глаза от напряжённого всматривания. Но он не столько терпел, сколько вовсе не замечал этих неприятных ощущений, поскольку в этом наблюдении за загадочным соседом была хоть какая-то цель и хоть какой-то смысл.

И наконец он увидел её. Как и он в своё время, она подошла к краю окна и одним пальцем чуть сдвинула край шторы, чтобы незаметно выглянуть наружу. Это была девушка. Молодая и красивая. Высокая и стройная. Полностью обнажённая, как и он. Но в этот долгожданный момент он даже не почувствовал возбуждения, хотя уже год не видел женщин, никаких, даже одетых, даже старых и уродливых, даже на фотографии или экране смартфона. Это просто было не важно, его волновало сейчас лишь одно: как долго она здесь и до какой стадии дошла?

Он пытался вспомнить этапы своего пребывания в заточении. В какой момент он перестал вот так подходить к окну и интересоваться происходящим на улице? В какой момент догадался ходить голышом? А главное – когда прекратил попытки заговорить с Толстяком? Александр и раньше не слышал звуков из той квартиры, пока не додумался приложить чашку к стене – но, может быть, там и вправду никого не было? Или жил до неё кто-то другой? Может, она там недавно? А может, наоборот, ещё дольше, чем он? Всё это

теряет смысл, если он не даст ей о себе знать и не попытается начать общение. Но как она это воспримет? Был лишь один способ проверить.

Он посмотрел на себя в зеркало: в таком виде знакомиться с девушкой нельзя даже в том мире, где ничто не имеет значения. Никакой возможности побриться – зарос жиденькой сальной бородёнкой до самой груди. Ни бритвы, ни шампуня, ни даже расчёски, лишь неудобные ножнички, в кольца которых не пролезал даже мизинец. Кое-как он всё же подстриг ими бороду. Затем воскресил в памяти зарядку, чтобы хоть немного привести тело в приличный вид, вымыл голову мылом, оделся и подошёл к двери.

Ещё больше времени ушло на то, чтобы собраться с мыслями и решиться. Дело вовсе не в смущении от грядущей встречи с юной красоткой. Не та ситуация, чтобы краснеть, как подросток. Он готовился впервые за год выйти из квартиры! Пугало даже не то, что он мог выдать себя и отправиться на зону. Пугал сам факт лишения себя привычной среды обитания, как бы отвратительна она ни была. Пугала необратимость этого шага. Страшно было покидать место, где его оставили в покое и не трогали. Прежняя жизнь и работа сейчас казались ему немногим лучше тюрьмы – пугало любое взаимодействие с обществом, в котором он всегда теперь будет чужаком и изгоем.

Простой поворот ручки двери был словно смертный приговор. Всего один невинный жест – и не будет пути назад. Он

был похож на пацана, который готовится на спор прыгнуть с десятиметровой скалы в море, не зная, какая там глубина и не торчат ли из дна острые камни.

Однако нужно было что-то менять и куда-то двигаться. Наконец он набрался решимости и вышел наружу.

Впервые увидел коридор – такой же серый и унылый, без окон, слабо освещённый одной голой лампочкой. Предельно узкий, не развернуться. Лестница с высокими ступенями и без перил. Четыре одинаковых двери без номеров.

Тихо постучал в соседнюю и произнёс хриплым от долгого молчания голосом:

– Я знаю, ты там прячешься, как и я.

Ждал ответа не дольше минуты, но длилась она бесконечно. В коридоре никого не было и царила полная тишина, однако в любой момент кто-то мог появиться. Он не был уверен, что она вообще откроет дверь. Сколько ещё ждать? Конечно, ей тоже нужно время, чтобы решиться. И хоть что-то на себя накинуть.

Наконец ручка боязливо, почти беззвучно опустилась, и дверь приоткрылась на узкую щель. Вблизи девушка казалась старше и ещё выше, чем он думал, почти с него ростом. Синие глаза полны страха перед неизведанным. Волосы давно не мыты и спутаны, но она всё равно довольно привлекательна.

– Привет. Я Александр.

Она открыла дверь шире, впустила его и ответила голо-

сом, более низким, чем он ожидал, но всё же мягким и приятным:

– Привет. Я Мария.

V

Её жилище было точной копией его. Точнее, зеркальным отражением. Вплоть до посуды, штор, приоткрытой форточки и даже марки туалетной бумаги – всё было пугающе идентично.

Однако ему сразу же бросились в глаза разрисованные стены. Он даже не сразу понял, каким образом она смогла такое сделать. Подошёл ближе и разглядел, что рисунки сделаны бороздками, процарапанными, вероятно, маникюрными ножничками.

Вот стоит посреди поля огромный дуб, покрывая всё вокруг тенью от своей раскидистой листвы. Растущие рядом цветы будто хотят убежать, защититься от этой зловещей тени, которая так и норовит их поглотить. Вот выглядывает из моря отвесная скала, о которую бьются штормовые волны, словно пытаются, да никак не могут её расколоть. Вот гора угрожающе нависла над мегаполисом, который со всеми своими небоскрёбами кажется крохотным и беззащитным перед этой мощной стихией, готовой обрушиться на него снежную лавину и за минуту сровнять с землёй.

Все эти картины, заполнившие стены до последнего сан-

тиметра, были пронизаны чувством тотального одиночества, ужаса перед слепой и безжалостной силой природы. Александра потрясло, как тонко и изящно она передала все эти оттенки эмоций такими скромными средствами.

– Правда, мне теперь нечем подстригать ногти и волосы, – посетовала Мария.

– Я поделюсь своими ножницами, – предложил Александр.

Рассмотрев ещё ближе эту невероятную настенную живопись, он заметил кое-где неожиданные вкрапления красного цвета.

– Ты рисовала это... кровью? Неужели резала себя?

– Женщине нет нужды себя резать. Раз в месяц из неё и так вытекает кровь.

– Поразительно! – не уставал восхищаться он. – Сколько времени ты, вероятно, потратила на все эти шедевры без особой надежды, что их кто-то оценит!

– Только теперь у меня и нашлось на это время.

– А я тратил целые дни на почёсывание и собирание своей кожи в консервные банки.

– Всегда мечтала стать художницей, – призналась Мария. – Но, как и большинство тех, кто об этом мечтает, стала дизайнером. Рисовала интерьеры богатых домов. А потом оказалось, что один из заказчиков, с которым работала даже не я, а моя коллега, был крупным чиновником. Его судили за коррупцию, и он оплатил нашу работу ворованными деньга-

ми. Казалось бы, при чём тут мы? И в чём наша вина, если мы даже не знали, что деньги краденые? Может, это было лишь поводом, а реальная причина – оппозиционные посты нашего директора. Однако все начали пропадать один за другим.

– Постой-постой... – забеспокоился вдруг Александр. – Дай угадаю. Тебе позвонила подруга прямо из камеры и сказала: «Маша, беги, за тобой уже едут»?

– Да, слово в слово! С тобой было так же?

– Кажется, я начинаю что-то понимать... – Он задумчиво прошёлся по комнате и лёг на кровать. – Я где-то читал, что Ленин в последний год жизни, уже будучи прикован к постели, получал газету «Правда», которую печатали специально для него в единственном экземпляре. Чтобы не волновать и не расстраивать его истинным положением дел в стране, ему впаривали радужную версию событий, сочинённую для него персонально.

– Думаешь, с нами было так же?

– Технологии с тех времён значительно продвинулись. Кто-то мог взломать наши смартфоны и кормить нас новостями, которых на самом деле не было. А потом хакнуть телефон твоей подруги и симитировать её голос с помощью искусственного интеллекта.

– Но кому и зачем это нужно?

– Скажи, твои родители живы? – решил он проверить ещё одну гипотезу. – У тебя есть братья, сёстры?

– Я сирота, выросла в детском доме.

– Ну вот! – всплеснул он руками. – Всё это не может быть совпадением! Оглянись вокруг: все эти дома абсолютно новые, в них явно никто не жил, но они будто и не приспособлены для этого.

– Думаешь, их построили специально для нас?

– И собрали здесь молодых представителей интеллигенции, людей искусства и науки, умных и начитанных, но в то же время тех, кого не будут искать. Может, никаких политических преследований, от которых мы здесь спасаемся, вообще не было. Нас привезли сюда обманом!

– Всё это смахивает на какую-то теорию заговора, – засомневалась Мария. – Ради чего? Чтобы украсть наши деньги? Зачем тогда нас кормить целый год?

– То, что мы пережили здесь, навсегда изменило нас – полагаю, это и было целью тех, кто нас сюда поместил. Пожалуй, это единственное логичное объяснение.

– По-твоему, это что, какой-то социальный эксперимент? А мы типа подопытные крысы? Изучают воздействие скуки на людей?

Александр пожал плечами. А потом снова вскочил с кровати и зашагал по комнате – так ему легче думалось.

– Знаешь, – сказал он спустя минуту, – если бы в мире было больше таких людей, как мы, жизнь стала бы намного спокойнее. Человек, переживший подобный опыт, явно не станет разжигать конфликты, развязывать войны, устраивать теракты, сражаться за свои убеждения или навязывать ко-

му-то свой образ жизни – для него просто ничто не является настолько важным, чтобы стоило ради этого умирать или убивать. Нас с тобой уже едва ли получится раскрутить даже на банальную ссору.

– Верно, – согласилась Мария. – Но столь же верно и то, что мы, по сути, уже мертвы, бесплодны, ни на что не способны, никогда больше не сможем ничего создать. Эти картины я нацарапала в первые дни, чтобы убить время, а теперь ни за что не смогла бы это повторить, потому что теперь для меня ничто не имеет смысла – и эта живопись стоит не дороже твоей чесотки.

– Ты права. Энергия, что побуждает людей развязывать войны – та же самая, что и творит шедевры, покоряет космос, побеждает неизлечимые болезни: это энергия уверенности в своей правоте. Теперь мы знаем, что любая уверенность – это ложь самому себе. Но какая польза от этого знания? Вреда тоже нет, но и движения вперёд никакого. Может, люди, устроившие всё это, ожидали, что мы превратимся в гумилёвских пассионариев? Вместо этого они сделали из нас живых мертвецов.

Теперь Мария легла на свою кровать – ей легче думалось лёжа. Помолчав какое-то время, вдруг спросила:

– Какое разочарование в себе из всех, что тебя здесь настигли, ты назвал бы самым болезненным?

Александр снова побродил взад-вперёд по комнате, поразмышлял пару минут, затем подошёл к окну и, задумчиво

глядя на пустынную улицу, ответил:

– Я всегда любил историю, особенно нашу, отечественную. Добрую сотню книг прочёл о революции, Гражданской, Великой Отечественной – ничего не было для меня интереснее. Казалось, прекрасно в этом разбираюсь, всё знаю и понимаю, выстроил ясную и логичную систему, разложил всё по полочкам, всем расставил оценки и осудил виновных. А если кто-то пришёл к другим выводам – он либо лжец, либо просто дурак. С такой яростью спорил и отстаивал свою картину мира, единственно правильную и очевидную, не просто за кем-то повторенную, а свою, оригинальную, добытую путём долгих и мучительных раздумий, беспристрастного анализа несметного множества фактов!

Теперь я вижу, что история – это бездонный океан событий, из которых даже самый продвинутый эксперт знает в лучшем случае жалкий процент. Воистину знания порой обратно пропорциональны пониманию: чем больше в голове информации – тем прочнее укореняешься в своих заблуждениях. Теперь я вижу, что из всей бесконечности фактов выбирал лишь те, которые подходили под готовый шаблон, а те, что не подходили, старался трактовать в свою пользу, насколько они это позволяли, или же попросту игнорировал. Теперь я вижу, что ничем не лучше любого из своих оппонентов и не имел никакого права что-либо утверждать. Я был жалок в своих нападках на исторических деятелей, словно муравей, бесстрашно атакующий мёртвого льва.

А как бы ты ответила на свой вопрос?

– Я всегда была убеждённой атеисткой, даже позволяла себе грубые насмешки над религией. Мне казалось, наука в XXI веке даёт вполне убедительную модель зарождения Вселенной, Земли и жизни на ней. Да, модель неполную и несовершенную, иначе и быть не может, но уж точно более правдоподобную, нежели бородатый дядька, сидящий на облаке и карающий грешников. Я считала религию каким-то пережитком Средневековья, которому подвержены тупые и остальные люди.

Но здесь, в этой комнате, моему мозгу просто некуда было спрятаться от неудобных вопросов. Более того, я вдруг поняла, что вся проблема заключается в неверной их постановке. Если я ставлю вопрос так: теория Дарвина или бородатый дядька – ответ в нём уже содержится. А попробуй вернуться к изначальной сути: Вселенная создана неким разумом или возникла из пустоты сама собой? Дальше у обеих сторон начинаются миллионы томов объяснений и дополнений, но эта глубинная основа дискуссии не меняется тысячи лет. Пресловутая эволюция – лишь один из множества конкретных аргументов, но ведь и она объясняет механизм, не объясняя, откуда он взялся и почему он именно такой. Очевидно, что никакой бородатый дядька на облаке не сидит, но не менее очевидно, что из пустоты само собой ничего не возникает.

Если я зашла за угол и увидела там инопланетянина – мне никто не поверит, но сама-то я твёрдо знаю, что видела, и

никаких доказательств мне не надо. Многие, в том числе умнейшие люди из самых разных народов и слоёв населения в самые разные эпохи утверждали, что так или иначе общались с Богом и ощущали Его присутствие – я могу им не верить, но могу ли считать доказанным фактом, что это враньё? Теперь я вижу, что доказанный факт лишь один: мы не знаем, есть ли Бог, и не имеем права утверждать, что знаем это. Глупые люди, слепо верящие по национальной традиции, ничуть не хуже и не лучше советских старух, столь же слепо твердящих: «Гагарин в космос летал, а Бога не видел».

– Знаешь, мы с тобой как на собрании анонимных алкоголиков, – пошутил Александр, укладываясь на кровать рядом с Марией. – Впрочем, если нас соберётся много и каждый таким же образом выскажется – может, из суммы этих высказываний и получится извлечь некое новое знание, от которого будет польза для будущих гумилёвских пассионариев.

– Думаешь, все эти дома полны такими же, как мы?

– Думаю, в своё время мы это выясним.

VI

Секс между ними был неизбежен, как нечто само собой разумеющееся. В обычной жизни они бы не обратили друг на друга внимания: она была не в его вкусе, он её вовсе не привлекал. Это нельзя было назвать отношениями: пережи-

тый опыт лишил обоих способности любить, ведь любовь – тоже своего рода добровольное заблуждение. Они даже не получали особого наслаждения от соития и не сочли бы его изменой, если бы имели постоянных партнёров. Это было просто сиюминутное утоление похоти, своего рода совместная мастурбация.

Как пережившие схожий опыт, они понимали друг друга без слов и узнали бы в толпе по одному взгляду. Им не нужно было, как обычным людям, тем более малознакомым, постоянно что-то говорить во избежание зудящего чувства неловкости. Они могли подолгу быть вместе в молчании и с первой же секунды знакомства не испытывали ни малейшего смущения.

Но поначалу им, конечно, интересно было пообщаться и получше узнать друг друга. А что ещё делать? Не трахаться же с утра до ночи! Случайному встречному – скажем, попутчику в поезде – порой даже охотнее рассказываешь о себе интимные подробности, поскольку больше его не увидишь. Эти двое могли провести здесь остаток дней, но чувствовали себя примерно так же: без малейшего стеснения делились самым сокровенным, чем не рискнули бы поделиться даже с самыми близкими. Тем более что Александр и Мария из прошлого были словно какими-то чужими людьми, а в новой жизни пока не о чем было рассказывать.

– Однажды ехала в купе поезда. Поначалу села и подумала: как повезло – похоже, всю дорогу буду одна. Но в послед-

нюю минуту перед отправлением забегает мужик. Худший вариант для девушки: всю ночь в закрытом купе с незнакомым мужчиной. Наверняка начнёт приставать. Такая мерзкая улыбочка, раздевающий взгляд. К тому же вынул флягу и стал выпивать. Сейчас смелости наберётся и будет лапать, а мне и деваться некуда. Всю ночь не могла уснуть, хотя он напился и сразу вырубился, храпел и пердел на весь поезд.

Утром заметила на своей простыне красное пятно: у меня были обильные месячные, и я здорово так протекла. Как ни пыталась спрятать, он, очевидно, заметил и глядел на меня, ехидно посмеиваясь. А я от стыда была готова сквозь землю провалиться, аж руки дрожали.

Налила себе кофе, начинаю пить – и понимаю, что от нервов вместо сахара сыпанула соли. Пью этот солёный кофе, противно до жути, аж блевать хочется, но делаю вид, что всё нормально. Однако и это, видимо, не ускользнуло от его внимания – ещё шире рот растянул в своей противной ухмылочке.

За всю дорогу мы оба не произнесли ни слова и он ни разу меня не коснулся, но я себя чувствовала так, будто меня изнасиловали. Наверное, худший день в моей жизни, так стыдно, что никому никогда не рассказывала об этом. А теперь сама над собой смеюсь: попади я сейчас в такую ситуацию – и бровью не повела бы, а наутро забыла.

– А я как-то раз тусил в парке с компанией коллег. Решили продолжить дома у одного из них. А мне вдруг срочно

приспичило по большой нужде, вот прям не могу терпеть. Только зашли в его квартиру – я сразу бегом в туалет. Облегчился, а сам думаю: вот сейчас все по очереди пойдут сюда руки мыть – а тут после меня вонища. Причём первой пошла девушка, которая мне нравилась. Вот я тогда тоже чуть не провалился от стыда!

А потом сидим на кухне, выпиваем. Я мрачный как туча, всё настроение коту под хвост. Девушка покидает застолье первой, а один парень после её ухода давай шептать: мол, она вся из себя такая красотка, а он зашёл после неё в туалет – там дышать невозможно, вот и рухнул весь образ прекрасной леди. И все ему поддакивают: оказывается, вот кто там наводил. В общем, подумали на неё, и я не стал их разубеждать.

За такими историями весело и незаметно прошла неделя, и наступил день прихода Толстяка.

– Как думаешь, может, поговорить с ним, спросить, что здесь творится? – предложила Мария. – Выскажем наши догадки – и пусть выкручивается. Авось что-нибудь из него вытянем.

– Вряд ли он что-то знает, – засомневался Александр. – Скорее всего, просто наняли, чтобы еду приносил, и велели поменьше с нами общаться. Сколько ни пытался его раскрутить на беседу, он вечно увиливал, слова лишнего не вытянешь.

Решили, что Александр пока вернётся к себе и они будут помалкивать о том, что нашли друг друга и стали жить вме-

сте. Он лёг на свою привычную кровать и начал ждать своего тюремщика с привычным пакетом еды.

У Александра не было часов, он не знал точного времени, но, насколько он мог судить, Толстяк всегда приходил примерно в один и тот же час и никогда не опаздывал. Но вот Александр провалялся в постели до вечера – а тот не явился. Может, в беседах с Марией потерялся счёт дней – и Толстяк должен прийти завтра?

У обоих в холодильнике были припрятаны небольшие остатки еды. Они поделили её поровну и распределили ещё на неделю – получалась настоящая блокадная порция, но кое-как можно было протянуть ещё несколько дней. Мало ли что могло случиться, не сегодня так завтра, не завтра так на следующей неделе он должен прийти. И они снова залегли по своим норам и стали ждать.

Да, Александр нарушил главный запрет – вышел из комнаты. Но откуда, чёрт побери, Толстяк мог об этом узнать? Мысль о том, что он больше не придёт и им предстоит умереть от голода, была пока ещё слишком страшна, чтобы её допустить.

Однако и через неделю Толстяк не пришёл. Еда кончилась, они страдали от лютого голода и стали похожи на обтянутые кожей скелеты. Некогда прекрасная девушка превращалась в старуху с торчащими ключицами и обвисшими грудями. У них не было сил помыться, и они стали противны друг другу и сами себе.

Сейчас они рады были бы вернуться в те минуты, о которых рассказывали как о худших своих воспоминаниях. Жизнь сама по себе больше не была для них значима, но они предпочли бы менее мучительную смерть. И стали подумывать о том, как можно было бы сделать это наиболее быстро, просто и безболезненно.

Как-то раз Александра посетила одна догадка. Он вышел в коридор и внимательно взгляделся в полутьму. Когда постоял так с минуту и глаза привыкли к темноте, заметил на стене камеру. Так и есть: всё это время Толстяк наблюдал за ними. Видел, как Александр вышел из квартиры, и моментально исполнил свою угрозу: «Больше меня не увидите». Не оставив ни малейшего шанса хоть как-то объясниться и обсудить случившееся, просто исчез и обрёк их на голодную смерть.

Но в этом доме наверняка прячется кто-то ещё. Неужели все лишатся еды по вине Александра?

Он спустился на первый этаж и сел на ступеньку у входа в дом. Сел под камерой, чтобы та не могла его видеть. Если здесь ещё кто-то живёт, Толстяк рано или поздно придёт и принесёт им еду.

Александр сам не знал, сколько уже так сидит. Голод погрузил его в состояние полузабытья, потихоньку разрывал его связь с реальностью. В какой-то момент ему просто стало всё равно, войдёт ли кто-то в эту дверь или он так и умрёт прямо здесь, сидя на этой лестнице. У него не было больше сил двигаться, ещё куда-то идти или даже о чём-то думать.

Он просто сидел и безразлично наблюдал, словно со стороны, как жизнь постепенно уходит из него.

Но в какой-то момент вдруг услышал незнакомый голос: – Вы тоже ждёте его? Не ждите, он не придёт.

VII

Александр сам не помнил, как у него в руках оказались две банки тушёнки. Кто-то додумался весь год их откладывать, так что теперь у всего дома был запас продовольствия.

Когда они с Марией поели и немного пришли в себя, их пригласили вечером в квартиру на первом этаже. Там собралась куча народа, так что всем едва хватало места.

– Две квартиры почему-то пустуют, остальные жители дома в сборе, – объявил хозяин. – Всего восемнадцать человек.

В глаза сразу бросились стены, обклеенные белыми нотами. Подойдя ближе, Александр заметил, что они выложены из обрезков туалетной бумаги, но не понимал, каким образом они держатся на стене.

– Меня зовут Семён, – представился хозяин. – Я был композитором и не нашёл лучшего способа сохранить хотя бы самые удачные свои мелодии, сочинённые здесь, пока они не улетучились из памяти. Туалетной бумагой вовсе не пользуюсь, подмываюсь в душе. А то, что ею обычно подтирают, послужило неплохим клеящим веществом. Когда оно подсыхает, то перестаёт издавать неприятный запах. По крайней

мере, если не подходить, не трогать и не принимать.

Семёну было на вид лет сорок. По крайней мере, выглядел он старше всех присутствующих. Невысокий, полноватый, с длинной рыжей бородой, которую он постоянно причёсывал вилкой, отчего она оставалась гладкой, ровной и опрятной.

– Я был классическим русским либералом: Россия – сплошное воровство и пьянство, отсталость и невежество. Народ – безликая серая масса, вечно обманутая тиранами и пресмыкающаяся перед грубой силой. Коррупцией пронизано всё сверху донизу, полицейские страшнее преступников, судьи подкуплены, уровень жизни хуже, чем в Африке, зато – православие, духовные скрепы и загнивающий Запад, который только и думает, как нас развалить и поработить.

Теперь вижу, что Россия – обыкновенная страна, не хуже и не лучше прочих. Как и любая другая, со своими особенностями, которые обусловлены её историей, географией, менталитетом народа. И, как и любая другая, с кучей проблем, которых всегда полно, но которые всегда решаемы. В чём-то, конечно, мы отстаём от крупнейших мировых держав, но невозможно всегда и во всём быть первыми. Быть вторыми или третьими, да хоть десятыми – это норма. Почему дискуссия вечно крутится только вокруг первого и последнего места? Почему мы непременно должны быть либо самыми великими, либо самыми ничтожными? И чем либералы лучше ватников, если страдают тем же подростковым максимализмом?

Взглянем правде в глаза: мы живём лучше, чем большинство населения земли, и похожи на владельца трёхкомнатной квартиры в Москве, который вдруг заметил, что у соседа – четырёхкомнатная, и орёт во всю глотку: «Стыд! Позор! Я нищелюдина и ничтожество, не достоин жить, не способен обеспечить семью!» Когда мы преувеличиваем до безобразия каждый наш недостаток, раздуваем его до масштабов мировой катастрофы – мы ведь ничем не лучше ура-патриотов, которые этих недостатков не замечают и считают, будто у нас всё идеально. Мы ведь делаем, по сути, то же самое, только с обратным знаком. Как в любых спорах, демонизируем оппонентов, считаем их тупыми пропагандистами, а сами несём такую же однобокую, пристрастную чепуху.

Нас учили, что Запад – это индивидуализм, а Россия – коллективизм. Но ведь искусство всегда воспекает то, чего народу не хватает, его недостижимый идеал. Если Запад и живёт в чём-то лучше, то лишь потому, что люди там научились договариваться. Причём научились в результате долгих, кровавых, опустошительных войн между собой. А у нас каждый идиот уверен, что лучше всех знает, как лучше для всех. Но ведь это и есть свобода, её обратная сторона!

Мы сами вечно провоцируем власть на репрессии, потому что лезем к ней не с попыткой мирного диалога, а с криками: «Ну-ка, сволочь, сейчас же делай так, как мы считаем правильным!» А когда на тебя прут с дубиной, остаётся лишь бить в ответ. Да и правители наши не из космоса прилетают,

они такие же, как и мы, откуда другим-то взяться?

– Совершенно с вами согласен, – вклинился долговязый парень с огромными ручищами и глубоко посаженными глазами. – И добавил бы от себя, что индивидуализм и коллективизм, равно как новаторство и консерватизм, национализм и космополитизм – все они хороши, когда между ними царит здоровый баланс, и плохи, когда любая из этих сил выходит из-под контроля и начинает довлеть над своей вечной соперницей.

Однако баланс этот весьма хрупок и неуловим. Никогда нельзя остановиться и сказать: «Всё, я нашёл его, теперь могу почивать на лаврах». Он требует непрерывного интеллектуального усилия, чтобы вечно гнаться за ним, но никогда его не настигать. Он всегда ускользает от нас, утекает сквозь пальцы, как только нам кажется, будто мы к нему хоть на шаг приблизились.

– Вот именно, – согласился Семён. – Как и нет идеального государственного устройства, которое подошло бы всем и всегда. Общество постоянно меняется и требует поиска новых форм и принципов его организации. Жизнь слишком сложна, чтобы дать простой и однозначный ответ хоть на один вопрос. Она не позволяет ни на минуту остановиться на достигнутом и расслабиться, требует бесконечного движения: либо вперёд, либо назад. Ты либо развиваешься, либо деградируешь – третьего не дано. А развитие – это всегда разочарование, сомнение и боль.

– Пойдите! – закричал вдруг из угла странноватый юноша, который выглядел моложе остальных, совсем как подросток: мелкий, тощий, с хаотично торчащими кверху светлыми кудряшками и безумными, ярко-синими, чуть косыми и очень близко посаженными глазами. – Пойдите, всё это бесполезная болтовня, мы так никогда ни к чему не придём!

– Это Лаврентий, – представил его Семён. – Мой непосредственный сосед. Мы уже давно общаемся. Полагаю, сейчас он и с вами поделится своей безумной теорией.

Лаврентий вышел вперёд, словно на сцену, и заговорил – громко, экзальтированно, энергично размахивая руками:

– Вы правильно сказали: во всём должен быть баланс. И в природе всегда всё идеально уравновешено: если есть минус, то есть и такой же силы плюс. Но чем уравновесить тот всеобъемлющий, уничтожающий минус, который мы нашли здесь? Что может компенсировать всю глубину нашей ничтожности и нелепости, которая была нам явлена? Я долго думал над этим и нашёл единственное возможное решение этого уравнения, единственный логичный вывод, необходимый и неизбежный, потому что иначе всё бессмысленно: я совершенно убеждён в том, что *Вселенная сотворена человеком!*

– У вас проблемы с причинно-следственными связями, – засмеялась Мария. – Как же мы могли создать сами себя?

– Знаете рассказ Роберта Хайнлайна «Все мы зомби»? Там герой был сначала женщиной, а потом превратился в

мужчину.

– Модная ныне повесточка? – пошутил кто-то.

– Дело не в этом, а в том, что он, уже будучи мужчиной, вернулся назад во времени и трахнул самого себя в образе женщины. В результате родился ребёнок, а потом выяснилось, что этот ребёнок – и есть наш герой! Сам себя трахнул, сам себя зачал, сам себя родил – сам себе и отец, и мать, и сын, и дочь в одном лице!

– Но ведь это фантастическая проза, – вновь возразила Мария. – И в ней тоже не всё гладко с причинно-следственными связями.

– Сто лет назад такой же фантастикой казались полёты в космос, интернет, искусственный интеллект... Конечно, не мы, а люди далёкого будущего, через сотни или даже тысячи лет развития – как технического, так и духовного – смогут научиться существовать в пяти измерениях, двигаться во времени как в пространстве! Помните финал «Интерстеллара»? Даже там герой предполагает, что всё это создали люди!

– И это тоже фантастика, – стояла на своём Мария.

– Моя главная мысль заключается в том, что если мы осознали и приняли свою ничтожность, то должны осознать и принять своё величие – столь же безграничное, сколь и ничтожность. Иначе ничто не имеет смысла! Творческий акт человека в потенциале способен творить и разрушать целые миры. В бесконечном споре о том, создал ли Бог человека или человек – Бога, неверны оба варианта: на самом деле че-

ловек – и есть Бог!

И я далеко не первый, кого посетила эта мысль. Семён, вы ведь музыкант, вспомните: к чему-то подобному подступался Скрябин – человек просвещённый и не так давно живший. А ещё раньше – Николай Фёдоров. И для них это были не какие-то абстрактные фантазии, они видели конкретные пути реализации своих грандиозных замыслов!

– В этом что-то есть, – признал Александр.

– Безусловно, – согласился Семён. – Но уже третий час ночи. Что-то мы с вами заболтались. Думаю, нам всем стоит выспаться, а наутро снова собраться и решить, что мы будем делать дальше. Способны мы создавать миры или нет – для начала нам нужно что-то кушать.

VIII

Александр и Мария лежали в обнимку на кровати, но сон почему-то не шёл к обоим.

– Меня вдохновила речь этого мальчика, – призналась она.

– Меня тоже, – улыбнулся он.

Мария встала и подошла к окну.

– Смотри, какая луна!

Он присоединился к ней и тоже поразился красоте огромной полной луны, которая горела на небе ярко, словно гигантский фонарь, и, казалось, так близко, что можно дотя-

нуться.

– Хочу на улицу! – вдруг сказала Мария. – Первой выйду из этого дома. Впервые за год. Просто постою там и подышу свежим воздухом. Ты со мной?

– Лучше посмотрю на тебя отсюда. Хоть раз увижу человека снаружи.

Она пошла босиком, но в этой всеобъемлющей тишине он слышал шлепки её ступней сначала по лестнице, а потом и по асфальту, когда она обходила дом. Наконец её изящный вытянутый силуэт, освещённый луной, показался внизу. Она медленно попятилась до середины улицы и помахала ему рукой.

Он и сам не мог понять, почему его это так взволновало. Давно отвык от эмоций, думал, никогда больше не сможет их испытать – а тут прямо слёзы подступили к горлу. Как правило, сначала возникают эмоции, а потом уже мы придумываем причину их возникновения. Но Александр, сколько ни думал, не мог понять сам себя.

И вдруг тишину пронзил оглушительный звук – такой громкий, что чуть не лопнули барабанные перепонки. Александр уже год не слышал ничего более громкого и даже не понял, что это было. От внезапного грохота голова закружилась, в глазах потемнело, в ушах зазвенело, и он растерянно закрыл их руками.

Когда сознание наконец прояснилось, он увидел, что Мария в неестественной позе лежит на земле. В свете луны раз-

глядел дыру у неё во лбу и лужу крови под головой. Глаза были широко раскрыты, а на лице застыла безмятежная улыбка: она погибла мгновенно, не успев ничего осознать.

Александр тут же кинулся вниз, в квартиру Семёна, где уже собирались и другие жители дома, разбуженные выстрелом.

– Что произошло? – спрашивали все друг у друга, недоумённо пожимая плечами.

Александр подошёл к окну, открыл штору и указал на тело:

– Она вышла на улицу, и её застрелили!

– Значит, нам нельзя выходить? – спросил долговязый. – Получается, они следят за нами и убивают любого, кто попытается?

– Боятся, что мы их выдадим, – предположил кто-то. – Лучше будем торчать тут и медленнодохнуть от голода!

– Да нет же, смотрите внимательно! – перекричал всех Александр. – У неё дырка прямо во лбу! Она стояла лицом сюда, глядела на меня и махала мне рукой!

– Хотите сказать, стреляли отсюда, из нашего дома? – догадался Семён.

– Господа, позвольте! – вдруг подал голос экстатичный Лаврентий. – Я, кажется, понял, что случилось. Один момент...

Он спешно вышел из квартиры, забежал в свою, соседнюю, и через минуту вернулся с пистолетом, который брезг-

ливо держал в вытянутой руке за дуло, рукояткой вперёд.

– Позвольте объяснить, это сделал... как бы не совсем я.

Александр выхватил у него пистолет и нацелил на него.

– Что вы хотите сказать, молодой человек? – спросил Семён.

– В последнее время я стал замечать кое-какие странности, – начал Лаврентий, всё так же бурно жестикулируя и словно не замечая направленный на него пистолет. – Иногда я вдруг отключаюсь, исчезаю куда-то, будто засыпаю. Целые часы, иногда дни выпадают из памяти. А потом вещи оказываются не там, где я их оставил. Думаю, это своеобразная реакция моей психики.

– У вас что, раздвоение личности?

– Полагаю, что так. И моя альтернативная личность, видимо, посчитала угрозой то, что Мария вышла на улицу. Думаю, этот *другой я* считает важным, чтобы мы оставались в доме.

– Откуда у тебя пистолет? – спросил Александр.

– Прихватил тайком, ещё когда ехал сюда... Вы мне верите?

– Допустим, – ответил Семён. – Но вы сами-то себя слышите? Понимаете, что всё это значит? Вы сейчас сами признали, что какую-то часть себя не можете контролировать, не отвечаете за её поступки. А значит, представляете опасность для всех нас.

– Что вы предлагаете? – спросил долговязый.

– Думаю, нам придётся его убить.

Все сперва ахнули, а потом призадумались. Александр опустил пистолет. Лаврентий был поразительно спокоен, словно говорили не о нём.

– Что вы удивляетесь? – продолжал Семён. – Мы здесь существуем в условиях борьбы за существование, в самом буквальном смысле этого слова. Сегодня он застрелил Марию, завтра убьёт кого-то ещё, любого из нас! У нас просто нет другого выхода!

– Я согласен! – вдруг воскликнул Лаврентий. – Вы совершенно правы. И я не стану противиться. Так тому и быть.

– Вы так безропотно принимаете свою участь? – удивился долговязый. – Вы осознаёте, что ваши великие идеи прямо сейчас умрут вместе с вами?

– Но ведь это закономерно! – ответил Лаврентий. – Когда человек раньше времени подбирается слишком близко к величайшим тайнам Вселенной, она умело расставляет преграды на его пути. Помните «Миллиард лет до конца света»? Поэтому Скрябин умер в сорок три года из-за долбаного прыща! Пуля – куда более быстрый и надёжный способ. По мне – лучше, чем медленная смерть от старости. Один поэт сказал: «Если вам представится возможность легко умереть – не упускайте её».

– И кто же должен привести приговор в исполнение? – спросил долговязый.

Семён повернулся к Александру:

– Пистолет в ваших руках. А убитая – ваша подруга.

Александр схватил Лаврентия за шкурку и потащил к выходу. Все вереницей потянулись за ними. Тщедушный паренёк послушно болтался в его руке, словно игрушечный. Александр притащил его к телу Марии и повернул к ней лицом. Лаврентий закрыл глаза, произнёс тихо и спокойно, как молитву:

– Если я прав – моя жизнь не кончится. Если нет – всё бессмысленно, но я уже этого не узнаю.

Это были его последние слова. Александр выстрелил ему в затылок, и Лаврентий рухнул рядом с Марией лицом вниз.

Тут дверь дома напротив тихонько открылась, и из неё боязливо выглянула милая полненькая брюнетка:

– Чё у вас тут творится? Меня не застрелите?

– В вашем доме тоже все прячутся, как и мы? – спросил Семён.

– Как и во всех этих домах, на всей улице.

– Вы уже посылали кого-то на разведку? – спросил Александр. – Знаете, что это за место? Где мы все находимся?

– А вы разве не в курсе? – удивилась девушка. – Мы на острове.

IX

Наутро была ясная, тёплая, солнечная погода, и наши герои занялись изучением острова.

Он был продолговатой формы, километров пять длиной и не больше километра шириной. Одна длинная, идеально прямая асфальтированная улица, на которой в ряд стояли по полсотни одинаковых домиков с обеих сторон, в каждом по двадцать одинаковых квартирок. За несколько следующих дней обошли все квартиры, шестьдесят из них оказались пусты – таким образом, на острове было 1940 человек.

За домами были только песок и море – солёное и прохладное даже в тёплую погоду. Среди жителей нашёлся географ, который сказал, что остров протянут с севера на юг и находится, судя по всему, где-то на севере Атлантики, в районе Англии.

На северном конце была отвесная скала метров десять высотой. На южном – здание покрупнее с какой-то техникой, проводами и трубами. Нашёлся и инженер, который пояснил, что это опреснительная установка, котельная для нагрева воды и электрический трансформатор. На крышах всех домов стояли солнечные батареи, которые, очевидно, питали весь остров. Больше ничего на острове не было, и ни с одной точки берега на горизонте не было видно никакой другой земли, только бескрайние просторы океана.

В один из дней все жители собрались в северной части острова, у скалы, сбросили с неё тела Марии и Лаврентия и стали обсуждать, как они все оказались здесь и что будут делать дальше.

Оказалось, всех привезли из Москвы примерно в одно

время – около года назад. Толстяк был не единственным, кто доставлял еду, их была целая команда. Каждый, видимо, отвечал за пять соседних домов и, соответственно, сотню жителей – значит, всего их было двадцать. И все они исчезли одновременно. Выход Александра из квартиры не мог быть причиной, поскольку в других домах подобное случалось и раньше.

Провели что-то вроде голосования и выбрали главой общины Семёна, проявлявшего явные лидерские качества. Не выпуская из рук вилку, то и дело почёсывая ею бороду, он забрался на вершину скалы, словно на сцену, и сказал:

– Я как-то читал одно произведение...

– «Повелитель мух»? – иронично предположил кто-то.

– Нет, более современное. Там русские аристократы в годы революции основали тайное поселение на острове в глубине тайги, чтобы сохранить, как в ковчеге, осколок императорской России. У нас с вами получается нечто похожее. Мы совершенно изолированы от внешнего мира – от всех его привычных благ и комфорта, но также и от его язв и пороков. Мы все пережили особенный опыт, который делает нас особенными людьми. И здесь, на этом острове, мы сами себе хозяева и сами определяем, какой будет наша жизнь.

Давайте попробуем сделать всё, что в наших силах, чтобы она была хоть в чём-то лучше нашей прежней жизни в мегаполисе. Чтобы никто больше не погиб и смерть этих двоих не оказалась напрасной. Постараемся не истратить впустую

этот уникальный исторический шанс, чтобы результат стоил всех наших усилий и страданий.

Сейчас наша главная, первостепенная задача – выжить здесь и не умереть с голоду. Уверен, из двух тысяч представителей столичной интеллигенции найдётся хоть кто-то, кто придумает, как нам прокормиться. У кого есть идеи, самое время их высказать.

– Нужно использовать пустующие квартиры, – предложил кто-то. – Разобрать кровати и прочую мебель. Я мог бы изготовить удочки, чтобы ловить рыбу. В этих местах её должно быть много, она свободно плодится и не привыкла к тому, что люди могут за ней охотиться.

– А я мог бы сделать силки для птиц, – предложил другой. – Чайки хоть изредка должны залетать сюда. Говорят, мясо у них жёсткое и противное на вкус и запах, но выбирать не приходится.

– Остров почти весь на песке, – сказал третий. – Однако здесь, возле обрыва, есть небольшой участок почвы. У меня осталась картошка, и я мог бы попробовать посадить её. Говорят, в одном фильме она даже на Марсе выросла.

– Может, у кого-то есть мысли, как нам отсюда выбраться? – спросил кто-то. – Нет ли среди нас пловцов?

– Не советую, – ответил какой-то парень и приподнял майку. На его животе и спине виднелись ожоги. – Метрах в десяти от берега кишат медузы. Их столько, что не протиснешься.

– Можно было бы сделать лодки, – сказал ещё один. – Но в какую сторону плыть? Мы не знаем, где ближайшая земля. И она может быть в десятках, а то и в сотнях километров. Океан непредсказуемо переменчив, в любую минуту начнётся шторм – и обычная лодка не выдержит.

– Думаю, пока нет смысла кому-то из нас рисковать жизнью, – подытожил Семён. – Для начала попробуем обустроить наш быт на острове. Посмотрим, что из этого выйдет.

– И всё же нам следует как-то привлечь внимание к себе, – возразила одна девушка. – Возьмём простыни из пустующих квартир и сделаем из них огромные буквы SOS. Разместим на крышах трёх соседних домов, прямо на солнечных батареях. Может, кто-то увидит с пролетающего самолёта или даже со спутника.

– Хорошая идея, – согласился Семён. – А ещё предлагаю поставить часовых на четырёх углах острова и караулить проплывающие корабли. Заметите кого-то в океане – разжигайте костры и начинайте размахивать хотя бы той же простынёй. Если нас и не вывезут с острова, пусть хотя бы доставят припасов.

– Я готов! – сразу же вызвался Александр.

– Прекрасно. Северо-восточный край острова – ваш.

Как только разломали кровать в одной из пустующих квартир, Александру выдали простыню, несколько досок и зажигалку, которую кто-то смог прихватить с собой из Москвы. Он как следует выспался и утром следующего дня уже

сидел на своём посту.

Океан был на удивление кроток и безмятежен. Солнце скрылось за облаками, чему Александр был только рад, поскольку оно горячо обжигало голову. Дул приятный прохладный ветерок. Волны тихо шелестели под ногами. Кругом царила первозданная тишина и покой. Он уже и забыл про пистолет, который так и торчал у него из-за пояса. Сидел в позе лотоса на песке, завернувшись в простыню, и думал о Марии.

Он не мог определить свои чувства к ней привычными словами, классифицировать как симпатию, страсть или влюблённость. Пережитый опыт навсегда изменил характер всего, что он испытывал. Однако он скучал по ней, желал её возвращения и сожалел о её глупой и нелепой гибели. Ему неприятна была мысль, что где-то тут, совсем рядом, плавают её бездыханное тело, поедаемое рыбами. У неё даже не будет могилы, и ни одной даже самой мелкой её частички не останется нигде, кроме как в его памяти. Разве что те прекрасные картины на стенах...

У него не было с собой еды и воды, но он не чувствовал голода и жажды. Весь день просидел так в одиночестве, почти без движения, непрерывно глядя в бесконечную водную гладь и размышляя обо всём пережитом за последние дни. Почти не смотрел по сторонам, поскольку не надеялся увидеть корабль и совсем этого не хотел.

Однако к вечеру, уже на закате, он вдруг заметил под-

плывающую к берегу моторную лодку. В ней сидел молодой красавец-богатырь, двухметровый, стройный, мускулистый брюнет.

Это был мой внук – Леонтий Трепалов.

Х

Почему из всех 1940 жителей острова я выбрал главным героем именно Александра? Если этот вопрос и возник у читателя, то теперь наконец всё станет ясно: именно Александру была уготована судьбоносная встреча с последним из моих многочисленных потомков. И, едва завидев его издали, наш герой сразу понял: этот – *из наших*.

– Полагаю, вы и есть наш демиург? – догадался Александр, как только Леонтий ступил на берег. – Это ведь вы всё организовали? Может, расскажете?

– Долгая история.

– А мы разве куда-то торопимся?

Леонтий затащил лодку на берег, присел рядом с Александром на песок и сказал:

– Уж коль скоро вы первый, кого я тут встретил, вам и первому слушать мою исповедь. Но уж простите, начать мне придётся издалека.

Я как-то прочёл в одной книге, что близнецы, если они действительно одинаковы, никогда не могут быть точно уверены, кто из них кто. Родители хоть раз да перепутают их

ещё в том возрасте, когда дети не сознают себя. А ведь достаточно засомневаться лишь раз, чтобы навсегда лишиться уверенности. Конечно, в этом никто не признается, чтобы не прослыть дурными родителями, но в реальности такое случается чаще, чем мы думаем.

У меня был брат-близнец – Савелий. Когда мы уже были школьниками и сами знали, кто из нас кто, родители постоянно нас путали, посторонние люди – тем более. Что уж говорить о тех временах, когда мы ещё ползали. Вот и получается, что никому точно неизвестно, кто из нас Леонтий, а кто – Савелий, даже нам самим. Хотя родители, разумеется, всегда это яростно отрицали.

Но мы с ним никогда не комплексовали по этому поводу. Более того, считали это нашим особым преимуществом: в каждом из нас была двойная сила, возможность жить за двоих. Зачем обоим учить все предметы и сдавать все экзамены, если можно поделить нагрузку поровну и подменять друг друга: брат сдаёт математику за себя и за меня, а я – физику за себя и за него.

Если кому-то из нас удавалось соблазнить девушку, другой обязательно хоть разок подменял его, чтобы тоже её попробовать. А если какая-то из них вдруг залетит – ни один ДНК-тест не определит, кто из нас отец, ведь ДНК у нас идентичны, а значит, ни один суд не заставит платить алименты. Так мы и жили, меняясь всеми нашими девушками, стараясь выжать максимум возможностей из нашего редкого

положения, делили поровну все прелести и трудности жизни, щедро дарили друг другу свои сильные стороны и компенсировали слабые.

Было у нас и ещё одно преимущество: сказочно богатый дед, который скопил целое состояние и доживал свой век в огромной пятикомнатной квартире в сталинской высотке. Мы знали, что и квартира, и все его накопления после его смерти перейдут к нам. Поэтому могли особо не рыпаться и не планировать будущее, не думать о профессии, карьере, заработке – мы и так были обеспечены до конца жизни, и нам не нужно было ничего для этого делать. Оставалось лишь дожидаться его кончины – не так уж долго, ведь он дышал на ладан, когда мы были ещё детьми.

Но всё оказалось не так-то просто. Склочный старый хрыч, который со всеми разругался, не желал никого видеть и торчал в своих хоромаш в гордом одиночестве, был прочен как камень и не торопился отправляться в мир иной. При том что водку глушил как не в себя. Вот мы с Савелием окончили школу и институт, вот нам уже за тридцатник, вот уже умерли от старости наши родители – а он всё живёт и живёт со своими миллионами, которые лежат без дела на иностранных счетах! А нам приходится батрачить где попало, лишь бы заработать на хлеб! Так и вся жизнь пройдёт, сами состаримся, пока дождёмся!

Когда старику перевалило за девяносто, мы всерьёз начали подумывать о том, чтобы его кокнуть. Савелий вычитал

где-то, что нельзя судить человека, если не установлена его личность. А ведь если мы сами не скажем, кто из нас кто, нет никакой возможности это установить. Да и вряд ли до этого дело дойдёт: кому придёт в голову проводить вскрытие такого древнего старца? Кто заподозрит, что он умер не своей смертью? Однако нам так и не хватило смелости. Чем дальше, тем больше нам этого хотелось, но, с другой стороны, всё более абсурдным казалось убивать человека, который и сам со дня на день отдаст концы.

И всё-таки рано или поздно это должно было случиться, и мы дождались: не дожив всего пары месяцев до сотни, дед наконец скопытился. Мы с Савелием в радостном предвкушении готовились принять долгожданное наследство. Даже заранее уволились с работы, ехидно посмеиваясь над коллегами-нищевродами.

Но не тут-то было. После похорон нам позвонил некий нотариус и вызвал к себе в кабинет. Оказалось, дед перед смертью написал завещание, о чём никто даже не подозревал. И его последняя воля была весьма странной: он завещал всё своё состояние победителю в некоей подпольной игре, которая называлась «Одиночная камера». К тексту завещания прилагался телефон, по которому мы могли вписаться в ближайшее соревнование.

Игра проводилась на территории так называемого «Метро-2» – это станции, которые были частично или полностью построены, но по каким-то причинам не использовались.

Вход туда закрыт и засекречен, но организаторы каким-то образом его обнаружили и тайком проводили свой необычный конкурс.

Суть его сводилась к следующему: на платформе стояли десять кабинок, в каждую заходил человек и должен был провести там как можно больше времени в полном одиночестве и изоляции от внешнего мира. Участники регулярно получали через окошко еду, но не имели никаких гаджетов. Выйти можно было в любой момент, но все деньги доставались тому, кто выйдет последним. На стене камеры было табло с девятью зелёными лампочками: как только кто-нибудь выходил, цвет менялся на красный.

Можете представить, как мы с Савелием поначалу к этому отнеслись: что ж тут особенного, это ж полная ерунда – просто сидеть там, ни фига не делать и жрать нахаляву, пока другим не надоест! И зачем деду понадобилось так всё усложнять, если деньги всё равно достанутся нам? Теперь я понимаю: последние годы он провёл в одиночестве и, видимо, что-то понял. Надеялся, что мы тоже что-то поймём – и его состояние не разлетится впустую, не будет растрчено на бессмысленное прожигание жизни.

В моей камере было потяжелее, чем в вашей. Она была всего три на три метра, а главное – под землёй и без окон. Там были только кровать, унитаз и мусорное ведро, из которого мусор улетал куда-то под землю. Вот кормили неплохо: каждый раз что-то новое, необычное, изысканное, слов-

но приносили из ресторана. Свет включали и выключали по расписанию. Без него в камере стояла крошечная тьма, хоть глаз выколи. Днём, наоборот, свет был излишне ярким, глаза уставали, а куда от него деваться?

Но главное – в отличие от вас, у меня была возможность в любой момент прекратить эту жесточайшую пытку. Сам не знаю, что удерживало меня от этого шага даже после того, как деньги перестали иметь для меня прежнее значение. То ли банальное упрямство, то ли ответственность перед братом, которому пришлось бы досиживать за нас обоих, то ли перед дедом, который хотел ведь нам что-то сказать таким образом. Но скорее всего – и вы как никто меня поймёте – дело лишь в том, что этот опыт необъяснимо притягивал к себе, каким бы он ни был невыносимо трудным и болезненным.

Есть на эту тему хорошее стихотворение:

День кончился.
Лампа над головою
Горит, окружённая тьмой.
Всё тихо.
Нас в камере только двое:
Я и рассудок мой.

Примерно так я и чувствовал себя: будто мой рассудок отделяется от меня, живёт своей жизнью, наблюдает надо мной как бы со стороны и негодует: «Да что ж он за debil-то та-

кой?» А стены вокруг меня словно сжимаются и давят.

Первые лампочки стали красными уже через несколько дней. Самые стойкие продержались месяц. И вот наконец остались двое: я и кто-то ещё. Я мог лишь догадываться, что это мой брат. Если так – мы уже победили, деньги наши, можно выходить! Почему же он не выходит? А если это не он? Я понимал, насколько мучителен этот опыт, и не держал бы на него зла, если бы он сломался одним из первых. Но если и нет – он ведь тоже не уверен, что последняя зелёная лампочка на его табло – это я!

Так прошёл ещё почти год. Вы знаете, в таких условиях время бежит незаметно: оно просто перестаёт иметь значение, как и всё остальное. Однако последняя лампочка так никогда и не стала красной. В какой-то момент она просто погасла. Я даже подумал, что это какая-то поломка. Но тут дверь моей кабинки открылась, в неё вошёл человек и сказал, что я выиграл, потому что мой брат скончался.

Я вышел и заглянул в соседнюю камеру. Он сидел там как живой, просто сидел на кровати и смотрел в стену открытыми, но ничего не выражающими глазами. В какой-то момент он словно отключился: сел вот так и перестал двигаться. Умер от обезвоживания и истощения. Его мышцы одеревенели от долгого пребывания в одном положении, поэтому он даже не упал, а просто застыл, как статуя. Трудно сказать, было ли это самоубийством, хотел ли он вот так умереть или это вышло само собой. По его выражению лица даже неясно

было, страдал ли он, пытался ли вырваться из плена, в который повергла его собственная психика, или ему было уже всё равно.

Как бы то ни было, я остался один с дедовским наследством, которое мне уже было не нужно. Организаторов игры скоро накрыла полиция, и они сели в тюрьму. А я видел перед собой лишь одну цель: раз уж мне досталось столько денег, я должен потратить их на то, чтобы как можно больше людей пережили похожий опыт. Думаю, дед мечтал о чём-то подобном, и я не мог найти лучшего применения его накоплениям. Я продал его квартиру и всё до копейки вложил в этот остров.

Я приобрёл его у Министерства обороны. Мы находимся посреди Атлантического океана, около пятисот километров к юго-западу от Британии. Северная половина острова, где мы с вами сейчас сидим, создана природой, южная – искусственная насыпь. В годы холодной войны здесь был секретный аэродром для дозаправки военных самолётов, чтобы они могли в случае необходимости долететь до Америки. Асфальтированная улица – это взлётно-посадочная полоса ещё тех времён.

Однако необходимости, слава Богу, так и не возникло, да и нынешние самолёты способны летать без дозаправки значительно дальше, поэтому остров стал не нужен и ещё в девяностые оказался заброшен. По документам, здесь также проводились ядерные испытания, поэтому корабли и самолёты

до сих пор обходят это место стороной. Оно было для меня идеально. Я нанял инженеров, чтобы они построили здесь дома, организовали питание от солнечных батарей, отопление, опреснение океанской воды.

Дальше начался отбор кандидатов. Я искал по соцсетям подходящих людей: молодых, одиноких, образованных. Затем хакеры взламывали ваши гаджеты и подменяли новостную ленту, чтобы вы думали, что государство открыло на вас охоту. Кого-то из ваших друзей или коллег в самом деле арестовывали по ложным доносам, но очень скоро отпускали. На самом деле вам ничего не грозило, но мы сделали всё, чтобы вы в это поверили.

Когда вы выпили снотворное, вам ещё дополнительно вкололи наркоз – вы и не заметили, как провели в отключке больше суток. В тридцати километрах в той стороне, откуда я приплыл, есть ещё один необитаемый остров. Вас доставляли туда на вертолёте, а затем везли сюда на моторной лодке.

Изначально вас было ровно две тысячи, но шестьдесят человек в первый же месяц покончили с собой. Они прыгали с крыши, топились в ванне, плели верёвки из простыней и вешались на крюке от люстры. Один японец меня удивил: видимо, пытался сделать себе харакири консервным ножом. Распорол живот, выпустил кишки, лежит и мучается. Боль адская, а смерть-то и не приходит. Тогда он из своих же кишок сплёл удавку и на ней повесился.

У меня было двадцать помощников – тех самых, которые вас сюда привозили, а потом еженедельно доставляли провизию. Но я был непростительно доверчив и беспечен, предоставив им доступ ко всем моим счетам. Видимо, в какой-то момент они решили сговориться и кинуть меня. Опустошили счета и исчезли со всеми деньгами. А я даже не сразу об этом узнал. Думал, вам по-прежнему регулярно привозят еду.

– Это случилось из-за того, что мы стали выходить из квартир? – спросил Александр.

– О нет, вы здесь ни при чём. Мы даже не знали, что вы покидаете свои каморки. Те камеры на стенах – муляжи. Но мои помощники, вероятно, опасались, что рано или поздно вы всё поймёте и поднимете бунт – в этом случае под ударом оказались бы они. Так что их, наверное, тоже можно понять. Однако в итоге я совершенно один, и у меня нет ни копейки. Я не в состоянии поддерживать ваше пребывание здесь. Вы просто умрёте с голоду. Я не могу взять на себя такую ответственность. Нужно как можно скорее вывезти вас отсюда и вернуть домой.

Уже светало. Леонтий встал и пошёл к домам. А в голове Александра тут же пронеслись все варианты дальнейшего развития событий. Он вдруг осознал, что в эту минуту судьба острова в его руках. От одного его решения зависит, продолжится ли жизнь общины или закончится прямо здесь и сейчас.

В первые месяцы своего заточения он многое отдал бы за возврат к прежней жизни. Но теперь, после всего, что он здесь пережил и перечувствовал – есть ли там место для него? Сможет ли он вернуться и просто жить как раньше, будто ничего не было? И неужели все его муки напрасны? А гибель Марии и Лаврентия, самоубийства шестидесяти человек – неужели всё это было зря?

А если другие не согласятся с ним? Может быть, стоит дать им выбор, позволить самим решать свою судьбу? Но ведь и у него не было выбора, а если бы был – согласился бы он лететь сюда? И разве сожалеет об этом теперь? Нет уж, настоящий выбор делает сейчас он: давать или не давать им *соблазн вернуться*.

Они останутся здесь и впоследствии будут ему благодарны. Прав был Семён: им выпал уникальный исторический шанс. И они просто обязаны не упустить его, обязаны жить и умереть на этом острове. Из этого должно что-то получиться, потому что, как говорил Лаврентий, *иначе всё бессмысленно*.

Александр достал пистолет и выстрел Леонтию в затылок. Затем прострелил днище лодки, затащил туда тело, завёл мотор и запустил лодку в свободное плавание. Постоял пару минут, глядя, как она постепенно исчезает за горизонтом, и пошёл домой – в свой единственный дом, ибо другого уже не будет.

Теперь только он знал всю правду об этом острове. И толь-

ко он знал, куда нужно плыть, чтобы с него выбраться.
Но он никогда и никому об этом не скажет.

Эпилог

У каждого мертвеца есть особый праздник, почти как ваш день рождения. Мы называем его День соответствия. Это когда срок загробной жизни совпадает со сроком земной. Иначе говоря, мёртв ровно столько же, сколько был жив.

У кого-то он, ясное дело, бывает чаще, у кого-то – реже, это уж кому как повезло. Например, мои внуки уже отпраздновали его по два раза. Мне же пришлось ждать особенно долго. Но вот наконец и мой День соответствия наступил.

Да, прошло уже почти сто лет – а те люди всё ещё там. Разумеется, уже не те самые люди, а их дети и внуки, которые вовсе не знают жизни за пределами острова. Их мир, как у героя «Легенды о пианисте», узок и ограничен – и в этом их счастье, которое они едва ли сами осознают.

Не знаю, что их ожидает в дальнейшем. Может быть, они всё-таки вымрут – и следующее поколение станет последним. Может быть, кто-то их обнаружит. Или они сами найдут способ покинуть остров. Может быть, увидев другой мир, они ужаснутся – и предпочтут вернуться в свой. А может, никакого другого мира уже нет – и они последние люди на Земле.

В общем, не знаю, что будет дальше. Если честно, и знать

не хочу, потому что я давно мёртв и мне всё равно. А что знаю – того не скажу, потому что вам, живым, этого знать не положено.

26 июля – 1 августа 2026

Полутьма

эксцентрический рассказ

Раздвоение личности – тяжёлое психическое заболевание, так как сводит бесчисленное множество существ, на которые обычно разбит человек, к жалким двум.

Станислав Ежи Лец

1. Шахматистка

– Я не могу об этом писать. Сама знаешь почему.

Даже здесь, за пять тысяч долбанных километров от Москвы, она нашла повод в очередной раз напомнить о том, о чём и так забыть невозможно. Вот он преуспевающий журналист-международник, золотой выпускник журфака, знает в совершенстве пять языков, пишет репортажи из самых горячих точек планеты и продаёт крупнейшим мировым изданиям. А вот жалкая доля секунды, громкий хлопок, яркая вспышка – и вся жизнь катится к чёрту. И он снова возвращается к тому, с чего начинал – к провинциальному желтоватому интернет-изданию о необычных жителях Иркутской области, которое популярно лишь среди пенсионерок и до-

мохозяек и где он подрабатывал ещё старшекласником.

– Вот именно поэтому ты должен взяться за этот материал! – настаивала Алёна.

Для неё это была своего рода психотерапия, ею самой разработанная: снова и снова тыкайся мордой в своё горе – и в конце концов станешь относиться к нему с иронией.

– Правду сказал то ли Маркс, то ли Гегель: история повторяется дважды – в виде трагедии и в виде фарса. Наш ребёнок погиб от реального взрыва реального снаряда. Это – трагедия. А вот это, – он ткнул пальцем в монитор, где был открыт предлагаемый Алёной материал, – какой-то выживший из ума маразматик, если он правда считает, что на его дом упал немецкий снаряд. Какой, к чёрту, немецкий снаряд – на Байкале? Какие, к чёрту, немцы – в Сибири?

– Мне больше никому это поручить. И писать больше не о чем. В конце концов, я твой начальник и приказываю тебе!

– А не пошла бы ты...

Алёна и Виталик давно жили как соседи. В этой толстой сорокалетней тётушке не осталось ровным счётом ничего от прекрасной девушки, которую он когда-то полюбил. Однако руки не доходили наконец оформить развод. Когда-то лишь в последний момент, лишь ради ребёнка руки дошли наконец оформить брак – вдвойне бессмысленно теперь лишний раз поднимать задницу с дивана, чтобы документально зафиксировать то, что и так давно очевидно.

Он не боялся, что она уволит его, даже втайне мечтал об

этом: появится стимул наконец зашевелиться и найти что-то более достойное. Алёна же, в свою очередь, понимала, что он ей нужнее, чем она ему: без Виталика издание мигом развалится, ибо давно уже держится лишь на его статьях. Журналистов его уровня в области днём с огнём не сыскать, а ежели кто и сыщется – едва ли пойдёт сюда вкалывать за нищенскую зарплату.

– Ладно, – смирилась она. – К этому старику ты ещё поедешь, попомни моё слово. А пока попробуй раскрутить шахматистку. Надежды мало, многие уже пытались, её папаша к ней никого не пускает. Включи своё неповторимое обаяние, – сказала она с ноткой сарказма в голосе.

– Что за шахматистка?

– Помнишь шестилетнюю девочку, которая обыграла Гаспаряна?

Алёна закрыла файл, который так и назывался «Полоумный дед», и открыла другой – под названием «Шахматистка».

В то время это было сенсацией: никому не известная сибирская девочка побеждает действующего на тот момент чемпиона мира по шахматам. Однако больше она никак себя не проявила, и вскоре о ней забыли. Так и не вспомнили бы, но недавно Гаспарян скончался. Первый канал торжественно объявил, что тот ушёл непобеждённым. Тут-то в сети и подняли историю пятнадцатилетней давности: мол, поглядите на вашего непобеждённого, которого разделяет

под орех шестилетняя девчушка. Поначалу многие думали, что это выдумки либералов – лишь бы очернить известного своим патриотизмом grossмейстера. Но у кого-то нашлась в архивах старая запись той передачи на VHS-кассете. Оцифровали, выложили в интернет – и видео, несмотря на кошмарное качество, стало вирусным.

Виталик ехал на своей «копейке» в посёлок Молодёжный, где жила та самая девочка, которой был уже двадцать один. Остановившись на заправке, открыл ноутбук и снова включил то самое видео. Очаровательная девчушка, на вид ещё меньше своих лет, худенькая, бледненькая, прелестные ямочки на нежных розоватых щёчках, длинные золотисто-каштановые пряди и такого же цвета большущие глаза. Явно боится своего соперника, пробует сосредоточиться на доске, но едва может усидеть на месте, вертит головой в разные стороны, то и дело отвлекается то на камеры, то на Гаспаряна, то на сидящих в зале родителей. Огромный, толстый, красный, носатый, бородатый, словно Карабас-Барабас, grossмейстер сидит напротив и насмешливо глядит на девочку, лениво переставляя фигуры.

Виталик не разбирался в шахматах. Да и девочка не производила впечатления ребёнка с какими-то сверхспособностями. На его дилетантский взгляд казалось, что единственной причиной неожиданного для всех исхода игры была самоуверенность Гаспаряна: мол, я такой великий, непобедимый – а тут девчонка сопливая. Расслабился – и прозевал

хитроумную комбинацию. Может ли такое быть? Но именно так это выглядело в записи: чемпион сам был в шоке, потрясённо уставился на доску, не понимая, как такое могло произойти – но и девочка тоже явно не ожидала, что победит, и столь же потрясённо глядела в зал, радостно подпрыгивая на стуле, изумлённо посмеиваясь и хлопая в ладоши. Это была нормальная реакция нормального шестилетнего ребёнка, без каких-либо признаков аутизма, как можно было бы подумать.

И теперь в их захолустье съезжались репортёры со всей страны, чтобы взять у неё интервью. Всем вдруг стало интересно, кто она такая, как теперь выглядит и что из себя представляет, почему не имела успеха в шахматах и имела ли в чём-то другом. У Виталика была фора, поскольку он жил поблизости и чисто физически успевал добраться до неё раньше столичных коллег. Однако он был не первым, и все предшественники потерпели неудачу. «В любом случае это лучше, чем сумасбродный старик со своим липовым снаряжением», – подумал он и продолжил путь.

Лето выдалось на редкость жаркое для тех краёв. Солнце пекло, как в пустыне, небо слепило синевой без единого облачка, ни один листочек не трепыхался от столь желанного ветерка. Было ещё утро, когда он доехал до Молодёжного. Каких-то полчаса в раскалённой машине по пробкам, словно в жарко натопленной бане – и рубашка насквозь мокрая, хоть выжимай, будто пробыл в дороге весь день. Съехал на

грунтовку в поисках нужного дома – и дорожная пыль заволокла всё кругом, закрыла обзор и облепила лицо, вызывая приступ кашля.

Когда пыльный туман рассеялся, он увидел на обочине ветхую старушонку в платочке, которая сидела на раскладном стульчике и торговала пирожками. Они лежали перед ней в жестяном ведре и источали божественный аромат.

– Здравсте, бабуля! – поприветствовал её Виталик. – Позвольте спросить...

– Пирожок купи, потом спрашивай, – перебила его старушка.

– Так и быть. – Виталик вспомнил, что проснулся с лёгкого бодуна и до сих пор не завтракал. – С чем пирожки-то?

– Да с чем хошь: с мясом, с картошкой, с капустой, с повидлом.

– Парочку с мясом. Скажите, пожалуйста, где живёт Даша Буренина?

Бабушка покачала головой.

– Не Даша, а Дария, через «и». У нас все её только так зовут. А живёт во-он там.

Она указала пальцем на двухэтажный дом вдалеке на другой стороне дороги. Виталик расплатился за пирожки, поблагодарил старушку за информацию и пошёл в указанном направлении.

Большой и некогда красивый, но теперь староватый и слегка заброшенный дом, кое-где со следами недоделанного

ремонта, был огорожен высоким глухим забором. Заглянув в щель, Виталик с удивлением заметил, что на втором этаже на окнах стоят решётки, а на первом – нет. Здоровенная овчарка выскочила из будки и залаяла на него, как только он подошёл к воротам.

Он было собрался позвонить, но тут из дома вышел священник в полном облачении, высокий, худощавый, с аккуратно подстриженной рыжеватой бородкой.

– Здравствуйте. Вы ко мне? – спросил батюшка.

– Доброе утро. Вы, наверное, отец Валерий?

– А Вы, наверное, очередной журналист? – сразу догадался священник, однако без малейшего раздражения в голосе.

– Вы позволите мне увидеться с Дарией? – Он особенно чётко произнёс «и». – Я лишь задам ей пару вопросов.

Батюшка тяжело вздохнул, хотя и с улыбкой на лице.

– Поймите меня, пожалуйста, – сказал он, – дело не в какой-то нашей злонамеренности. Мы ни от кого не прячемся и ничего не скрываем.

– Почему же Вы тогда никого не пускаете к дочери?

– Дело в том, что Дария тяжело больна. Она просто не может сейчас отвечать на Ваши вопросы.

– Не может физически? – всерьёз озаботился Виталик.

– Не то чтобы физически... – замешкался отец Валерий.

– Простите, я опаздываю на службу. Мне очень неловко, что Вы зря ехали сюда, но я не могу сейчас пустить Вас в дом. Не обижайтесь на моё негостеприимство. Поверьте, тому есть

объективные причины.

– Что поделаешь, это моя работа. – Виталик протянул ему визитку. – Если вдруг что-то изменится, если Ваша дочь поправится и сможет говорить – пожалуйста, свяжитесь со мной.

– Непременно, – ответил священник с интонацией, не вызывающей сомнений в его абсолютной искренности и доброжелательности. – А сейчас прошу меня простить, – в очередной раз извинился он, взял визитку и быстрым шагом направился к новенькому храму, который виднелся на горизонте.

Виталик сообразил, что мог бы его подвезти, но было поздно. От жары голова туго работала. Он думал лишь о том, что сейчас снова поднимет пыль колёсами своей раскалённой «копейки», затем снова полчаса будет ехать в этой парилке по пробкам, молясь о капельке дождя или хотя бы дуновении ветерка, и в итоге вернётся к бывшей, которая снова начнёт впаривать ему старика со снарядами, они будут ругаться до вечера, а потом он придёт домой, напьётся и забудется.

Он достал пирожок, собираясь наконец позавтракать – но тут заметил девушку на втором этаже. Она стояла у окна и смотрела на него сквозь решётку. Она была далеко, но сомнений не было: это та самая девочка с видео!

Даже спустя столько лет её невозможно было с кем-либо спутать: тот же маленький носик, тонкие губки полосочкой и розоватые щёчки с ямочками, та же худоба и бледность, на фоне которой особенно ярко горели те же большущие ка-

рие глаза, тот же взгляд испуганного мышонка, как будто напротив по-прежнему сидит большой и грозный Гаспарян. Не было лишь каштановых прядей, но неожиданно короткая стрижка под мальчика удачно подчёркивала её маленькую голову и длинную шею.

Дария улыбнулась ему и скрылась в глубине комнаты – а он так и застыл с пирожком в руке, в одночасье осознав, что никогда уже не сможет забыть её и вернуться к прежней жизни.

2. Принцесса

– Я напишу о ней, но чуть позже, мне нужно время, – отчитался он Алёне и поехал домой. Но по дороге так глубоко погрузился в свои думы, что сам не заметил, как проехал мимо собственного дома и уже битый час бесцельно кружит по городу, не замечая жары.

«Ну уж нет, я ещё не настолько стар, чтобы западать на молоденьких», – думал Виталик, да ничего поделать с собой не мог: лишь мельком увидев вдалеке улыбку Дарии, он не в силах был выбросить эту девушку из головы и непрерывно думал о ней и только о ней.

Наверное, все переходные возрасты чем-то схожи – и в сорок лет серьёзный мужик вдруг снова становится подростком. Впрочем, в амурных делах люди любого возраста бывают примерно одинаково нелепы. Престарелый профессор

может запросто влюбиться в юную студентку – и будет вести себя глупее всякого её сверстника.

Примерно так рассуждал его внутренний прожжённый циник. «Что за детский сад? Ты же не вчера родился и давно знаешь, что нет ничего сексуальнее загадочности и недоступности – но в сорок лет так легко попасться на эту удочку? Нет, это несерьёзно, ты же о ней ни хрена не знаешь! Какая она на самом деле? Что за человек? Что из себя представляет? Какой у неё характер? Остаётся лишь фантазировать – и за неимением фактов влюбляться в собственные фантазии. Простор для этого дела как никогда широк, а воображение у журналиста отменное. Ну не ребячество ли?»

В конце концов, не так уж она и красива. Слишком бледная и костлявая. Он никогда не любил худышек, хотя Алёну с годами как-то уж чересчур разнесло. Короткие стрижки у девушек тоже никогда не нравились. И вообще, он всегда предпочитал блондинок или рыженьких, а эта серая мышка – ни то ни сё. Имя Даша совсем не в его вкусе, сразу в памяти всплывает студенческая шутка: «Если Света не светит, Катя не катит, Люба не любит, а Вера не верит – всегда на помощь приходит Даша». Впрочем, Дария через «и» – в этом есть что-то изысканное. Такого он ещё не слышал, небось матушка в святцах нарыла.

Но постепенно к нему пришло осознание одной простой истины: он давно смирился с тем, что жизнь кончена. После гибели сына все те, кого он считал своими друзьями и

близкими, формально отзвонились или даже отписались в WhatsApp с соболезнованиями, а потом благополучно о нём забыли. Мало того что не проявили деятельного сочувствия и соучастия, когда это было особенно необходимо – но даже рады были, пользуясь случаем, выкинуть его из профессии, стоило лишь раз дать слабинку из-за давящей скорби.

После этого ему уже ничего в жизни не хотелось и было на всё плевать. Он лишь боялся признаться сам себе, что уже не живёт, а доживает как-нибудь оставшиеся дни. Ненавидит свою бывшую, но не разводится и не ищет другую – потому что плевать. Ненавидит свою работу, но не уходит и не ищет новую – потому что плевать. Нет смысла дёргаться, что-то менять, нет смысла вообще ни в чём – потому что всё давно кончено. Не будет больше новых радостей и горестей, новых влюблённостей и расставаний, новых женщин и детей, новой работы и увлечений – да и не надо, потому что уже и не хочется, потому что ничто уже не влечёт и не трогает, не будит интереса и не дёргает за душу. «Просто оставьте меня все в покое».

И вдруг снова, как будто впервые в жизни, как будто ему снова семнадцать – он хочет чего-то, его что-то мучает, терзает, какая-то малознакомая и среднепривлекательная девчонка вновь будит в нём давно забытые желания: любить и страдать, наслаждаться и мучиться, к чему-то стремиться и достигать чего-то. И вот он, словно помешанный старшеклассник, прячется за деревом и наблюдает издали за тем

самым окном, чтобы хоть на секунду, мельком её снова увидеть – и готов отдать пару лет жизни за эту секунду.

Но внутренний циник упрямо сопротивляется: «Стыдно себя так вести в твоём-то возрасте! А если кто-то заметит, что ты тут стоишь – что о тебе подумают? Какие слухи о тебе пойдут в этом крошечном городке? Втюрился в молоденькую, как пацан! Видел её лишь мгновение, издали, сквозь окно и решётку, одна улыбка – и сразу башку снесло! В окна тайком подглядывает, старый извращенец! Зачем тебе это? К чему это приведёт? Чего ты добьёшься? Только выставишь себя на посмешище! Чем ты можешь привлечь молоденькую красотку, если сам ты не молод и не красив, не высок и не строен, к тому же пьяница и нищеврод? Сорокалетний женатый алкаш – и дочь священника! Курам на смех. У неё ж наверняка железобетонные нравственные принципы: до свадьбы не касаться, с женатыми не водиться. И длинная очередь претендентов на её невинность – куда более юных, привлекательных и высокоморальных».

Никакого рационального объяснения своим чувствам Виталик найти не мог. Мало ли кругом хорошеньких барышень? Мало ли недоступных и загадочных? Она ведь совсем не его тип, совершенно ему не подходит, и шансы овладеть ею равны отрицательному числу. Почему вдруг именно она и именно сегодня? Что в ней такого особенного, что одна лишь её улыбка так взбаламутила в нём всё то, что казалось давно умершим? Может, просто гормоны от жары разыгрались?

Кризис среднего возраста подкатил? Или чисто профессиональное любопытство – загадка, которую трудно разгадать? Журналистский азарт – работа, которую трудно выполнить?

Так и стоя уже который час за деревом, он позвонил своему приятелю Игорьку, который служил в их издании фактчекером. Игорёк этот славился умением про кого угодно найти какую угодно информацию. Как он это делает – никто не знал, но он не раз поражал всех своими шпионскими талантами, что иногда весьма помогало в работе и давало их провинциальной газетёнке неожиданную фору перед столичными гигантами. Виталик попросил его как можно скорее нарыть всё что можно на Дарию, а сам продолжил наблюдать.

Был уже вечер, жара утихла, и с Байкала повеяло наконец прохладным ветерком. Отец Валерий вернулся со службы, и в доме всё зашевелилось. Девушка периодически мелькала в окне, и Виталик жадно ловил каждую секунду, когда мог её разглядеть. Она не выходила из дома и, судя по всему, даже из своей комнаты. Он не видел, чтобы к ней кто-то заходил. Весь день она сидела одна в небольшой каморке с зарешёченным окном, словно в тюремной камере.

«А может, во мне проснулся рыцарь, джентльмен?» – подумалось вдруг Виталику. В самом деле, тут что-то не так. Бедную девушку держат в заточении явно против её воли. Это ненормально, неправильно. Наверняка тут замешаны религиозные предрассудки. Отец Валерий – на первый взгляд, сама кротость и вежливость. Кажется, врежешь ему по носу –

а он лишь улыбнётся и рассыплется в извинениях, что нечаянно напоролся на твой кулак. Но журналисту ли с двадцатилетним стажем не знать людей? За этой добродушной личиной вполне может скрываться монстр, домашний тиран, искренне верящий, что спасает дочь от геенны огненной, оберегая от похотливых парней, развратных подружек и прочего вселенского зла.

Виталик и сам когда-то считал себя верующим. Но после того, как жизнь его ребёнка так глупо оборвалась – в мирное время, в дачном Подмоскowie, из-за железки, пролежавшей в земле восемьдесят долбанных лет, после того, как он собственными руками собирал своего сына по кускам – он перестал верить в какой-либо разум, управляющий всем этим нелепым хаосом, и не ждал ничего хорошего от религии и религиозных людей, словно они его обманули и тем самым частично виноваты в случившемся.

Священник сказал, что его дочь больна. Но Виталик знал, что такая бледная и худенькая она с малых лет, в остальном же Дария выглядела совершенно здоровой девушкой, которой надо гулять с подружками, ходить на танцы, купаться в Байкале и бегать на свидания с мальчиками, а не торчать в четырёх стенах. Впрочем, и несчастной она почему-то не выглядела. Казалось, ей вполне неплохо наедине с собой, она осознанно выбрала уединение, ни в чём обществе не нуждается и прекрасно себя чувствует в своём добровольном затворничестве. Вот до чего доводит сила родительского вну-

шения, религиозный гипноз, которым затуманил её разум папаша-поп!

Так вот в чём всё дело! Вот что так привлекло Виталика! Древняя как мир фантазия всех мужчин о спасении сказочной принцессы! Он нашёл идеальную кандидатуру на эту роль: страждущая в неволе красавица, томящаяся под замком в доме злодея-тирана! Её мнимая болезнь – враньё, отговорка во избежание лишних вопросов. И пусть небритый алкаш с пивным пузом не очень тянет на принца, а ржавая «копейка» – на белого коня – девушку нужно немедленно, во что бы то ни стало выволочь из плена, увезти из этой затхлой тюремной камеры, в которую заточил её этот религиозный фанатик!

Уже темнело, в доме включили свет, и он наконец увидел Дарию внизу, на первом этаже без решёток. Она поужинала с родителями, а потом они явно стали о чём-то спорить, хотя вроде бы мирно, без истерик и драк. Кажется, её заставляли принять лекарство, которое она не хотела принимать, и вернуться в комнату, в которую она не хотела возвращаться. Подозрения Виталика подтверждались.

Снаружи не было ни души, и в надежде расслышать хоть слово он подкрался ближе, опасаясь лишь пса, который тут же вылез из будки и угрожающе зарычал. Наконец до его уха донёсся нежный, высокий, совсем детский голосок Дарии, обращённый к отцу:

– Мне бы выйти подышать на минуту! Дай хоть мусор вы-

несу!

И тут многочасовое стояние за деревом наконец оправдало себя: девушка вышла за ворота с мусорным пакетом и даже перешла безлюдную улицу, чтобы бросить его в бак. Виталика она в темноте не заметила, зато он наконец смог её как следует разглядеть, о чём ещё минуту назад только мечтал.

Она была выше, чем он думал, почти с него ростом, но всем своим видом походила на ребёнка, который пытается казаться взрослым: задорную искорку во взгляде прятала за строгим монашеским взором, летящую девичью походку – за важной учительской поступью, ровную спину будто нарочно сутулила, а зоркие глаза щурила. Словно рождена была играть и веселиться, но по какому-то внешнему принуждению выдавливала из себя серьёзную зрелую женщину. Она явно не готова была ко встрече с посторонним: ёжик на голове несуразно торчал, серое платье было великовато, видимо снято с матушки, слегка помято и испачкано, на босоножке сломан замок. Однако в глазах Виталика всё это лишь органично дополняло образ нищей страдальцы, который он себе нарисовал.

Грозный тюремщик наблюдал из окна, но в доме горел яркий свет, а на улице хоть глаз выколи. На обратном пути на какую-то секунду она вышла из поля зрения отца – и Виталик решился.

– Дария! – позвал он из темноты.

Девушка вздрогнула и обернулась. Посмотрела пристально, чуть исподлобья. Ни капли страха перед незнакомым мужчиной не было в её взгляде. Она будто хотела с ним пококетничать – но правила обязывали быть подчёркнуто холодной. Виталик, всегда смелый и раскованный в общении с девушками, впервые в жизни покрылся ледяным потом и замер, боясь подойти ближе.

– Ты кто? – сразу заговорила она на «ты», что немного придало ему смелости.

– Я хочу помочь тебе. Мне кажется, тебя держат в этом доме, как в тюрьме, против твоей воли, – перешёл он в активное наступление.

Дария едва заметно улыбнулась с какой-то хитринкой в глазах: мол, много ли ты понимаешь, тоже мне защитник нашёлся. Виталик почувствовал себя полным идиотом: сейчас она пошлёт его к чёрту, вернётся в дом – и на этом всё кончится.

– А ты, значит, сказочный принц, который явился меня спасти? – вдруг словно прочла она его мысли. При этом в голосе её не было ни тени сарказма.

– Почему бы и нет? – вмиг осмелел Виталик от таких речей.

Дария оглянулась кругом и заметила его машину. Широко улыбнулась, будто из вежливости сдерживала смех.

– И ты приехал за мной... на этом?

– Чем богаты.

Тут она не выдержала и рассмеялась, хотя и почти беззвучно, чтобы не услышали в доме.

– Хочешь прямо сейчас меня увезти? – невзирая на смех, спросила она вполне серьёзно, без малейшей иронии.

– Залезай, – смело ответил он, кивнув головой на «копейку».

– Ладно, поехали, – произнесла она так просто, будто незнакомые мужчины каждый день предлагают ей с ними уехать. И прямо так, в чём была, украдкой, чтобы не заметил отец, засеменила к машине.

Часто ли наши самые дерзкие, нереальные фантазии так скоро и в такой точности воплощаются в жизнь? Немудрено, что в тот самый момент, когда Виталик завёл мотор и машина с Дарией на переднем сиденье тронулась, он окончательно и бесповоротно потерял голову.

3. Вероника

Всю дорогу до Иркутска она ехала молча и глядя в окно с таким любопытством, будто впервые оказалась за пределами дома. А он едва дышал от избытка чувств и боялся даже взглянуть на неё, не веря, что всё это происходит в реальности, а не снится ему. Он понимал, что, в сущности, похитил девушку и отец будет её искать, поэтому опасался везти её к себе домой. Тем более что там была Алёна. Хотя той давно было плевать, с кем он приедет и приедет ли вообще, ему всё

же не хотелось попадаться ей на глаза с Дарией. Или, скорее, попадаться Дарии на глаза с Алёной.

Была уже почти ночь, когда они приехали в гостиницу «Ангара». Сняли двухместный номер на самом верхнем этаже этой громадины. Оттуда открывался прекрасный вид на ночной Иркутск, и девушка восторженно уставилась в окно. Невзирая на её поразительную, безбашенную решимость, Виталик ни на что особо не надеялся этой ночью – всё же дочь священника, первый день знакомства. Да и не для того она была нужна ему. Чтобы избежать малейшего напряжения, недопонимания между ними, он поспешил её успокоить:

– Не бойся меня, я не стану к тебе приставать.

– Мужчина, говорящий девушке «я не стану к тебе приставать» – всё равно что подсудимый, говорящий присяжным «я невиновен».

Все его чувства в тот момент были настолько гипертрофированы, что он едва сдержался, чтобы не расхохотаться на всю гостиницу. Однако Дария внезапно погрузилась и снова уставилась в окно.

– Я не боюсь тебя, – сказала она. – Всё это совершенно не важно.

– Почему? – не понял Виталик.

– Потому что я скоро умру.

Он подошёл к ней и взгляделся в её глаза, чтобы понять, всерьёз ли она это сказала. Вроде бы такими вещами не шу-

тят, но он уже понял, что от этой девушки можно ожидать чего угодно. Однако в глазах её он заметил слёзы. Тут же вспомнил слова отца Валерия: «Моя дочь тяжело больна» – и внутри сразу что-то оборвалось.

– У меня раковая опухоль в матке. Думаешь, почему у меня такие короткие волосы? Куда делись мои дивные золотисто-каштановые пряди? Всё эта проклятая химия. Мне осталось не больше месяца.

У него в голове тут же всё сложилось. Вот почему она так легко согласилась уехать с первым встречным: решила оторваться напоследок, пуститься во все тяжкие. Может, умрёт быстрее, но зато проживёт последние дни в своё удовольствие, нагуляется напоследок, накатается, пусть и в ржавой колыхаге, но зато с каким-никаким влюблённым в неё мужчиной – вместо того, чтобы сидеть в четырёх стенах на уколах и таблетках под жалостливые взгляды родителей и тихо страдать, словно уже умерла, погребена и всеми забыта. Не лучше ли прожить меньше, но зато полной жизнью? Не важнее ли качество жизни её количества?

Но тут она вырвала его из тягостных дум ещё более странным заявлением:

– Впрочем, может быть, Дария уже давно умерла, а я – Вероника.

Увидев его недоумевающий взгляд, поторопилась объяснить:

– Представь, что у тебя два совершенно одинаковых пред-

мета. Ну, скажем, пусть это будут две кружки. Ты даёшь им имена: вот кружка Дария, вот кружка Вероника. Они ничем не отличаются друг от друга, но ты стараешься не забывать, которая из них Дария, а которая – Вероника. Хотя ты постоянно берёшь их со стола и пьёшь из них. Долго ли ты будешь уверен, что до сих пор их не перепутал?

Взгляд Виталика стал ещё более недоумевающим: что она несёт?

– Так же и с близнецами, – продолжила Дария. – Конечно, иногда у них бывают заметные отличия, они даже бывают разного пола. Но вот представь: у тебя два совершенно одинаковых ребёнка. Им пара месяцев от роду, и по уровню развития они уступают твоему псу. Они ещё не сознают себя, не понимают сами, кто из них Дария, а кто – Вероника. Ты оставляешь их с бабушкой и говоришь ей: «Слева лежит Дария, справа – Вероника». Но мы уже двигаемся, даже немного ползаем. Бабушка отворачивается на секунду – и вот мы уже поменялись местами. Или, допустим, ты помнишь, что надел на Дарию красный чепчик, а на Веронику – зелёный. Но мы уже научились снимать с себя чепчики. А бабушке и вовсе пришлось нас переодевать, потому что мы вымазались в морковном пюре. И таких случаев за долгую жизнь сотни, а достаточно одного, чтобы навсегда лишиться уверенности.

– У тебя была сестра-близнец?

– Да, и на третьем месяце жизни она умерла от пневмонии. Но на самом деле папа и мама не уверены на сто про-

центов, что именно я – та самая девочка, которая вылезла первой и была названа Дарией, а в маленьком белом гробике лежит Вероника. Что, если наоборот? Однажды я случайно подслушала, как они обсуждали это между собой. Так бывает, наверное, у всех родителей близнецов. Но кто же в этом признается? Что о них подумают? Перепутали собственных детей! Тем не менее факт: мы никогда не узнаем, кто я на самом деле – Дария или Вероника. Кто из нас скоро умрёт, а кто уже умер. Может, меня давно нет – и перед тобой вовсе не я, а моя сестра.

Виталик уже не слушал её болтовню, всё это не имело значения. Он думал лишь о том, в каком идиотском положении оказался: с первого взгляда полюбил прелестную незнакомку, похитил её из отчего дома – чтобы побыть с ней всего месяц и потерять навсегда! Но ведь выходит, что она использует его чувства, чтобы прожить последние дни, как ей хочется! А чего хочется ему – об этом она не подумала? Умиравшей всё простительно? Или она всё же не имела права так жестоко с ним поступать, взваливать на него это непосильное бремя против его воли? Может, она всё же обязана была сказать ему о своей болезни прежде, чем сесть в его машину и уехать с ним? Впрочем, разве ему уже не сказал об этом её отец?

Но что же делать теперь? Как поступить? Любое его следующее решение будет неправильным! С одной стороны, не везти же её теперь обратно: «Прости, любимая, но больная

ты мне не нужна». Но с другой, он ведь, по сути, её убивает, пусть даже она сама хочет этого. Ей необходимы лекарства, процедуры, внимание врачей. Вместо этого она совершает нечто вроде самоубийства, а его делает своим соучастником! А значит, вернуть её родителям, наоборот, будет правильнее?

Она быстро уснула, а он всю ночь не мог сомкнуть глаз. Валялся и пялился в полосы света на потолке, а мысли так и вертелись кругами, то и дело возвращаясь в одну точку. Как могла его жизнь так круто измениться всего за сутки? Как вышло, что он взвалил на себя ответственность за неизлечимо больную девушку, которую ещё сегодня утром знать не знал? Как вышло, что из-за одной лишь улыбки он полюбил эту девушку сильнее, чем кого-либо в своей жизни – так сильно, что теперь ему больше всего на свете хотелось забрать себе её боль, пересадить себе её опухоль и умереть вместо неё? Как вышло, что он наконец нашёл свою любовь – чтобы тут же её потерять, увидеть её страдания и смерть?

Нет, он ни за что не откажется от неё, как бы глупо и безответственно это ни выглядело со стороны. Он будет со своей прекрасной принцессой до конца и сделает всё, что в его силах, чтобы скрасить её последние дни. Чтобы в них было как можно меньше боли и страданий и как можно больше любви и счастья. Она доверилась ему в самый уязвимый момент своей жизни – и он оправдает её доверие. Раз уж ему на роду написано терять самых любимых, он готов снова нести

этот крест – только так его жизнь вновь обретала смысл, который казался навеки утраченным.

4. Сороконожка

К утру он всё-таки смог задремать, но его тут же разбудил звонок Игорька. Виталику было уже не особо интересно, что тот скажет, он даже забыл о своей просьбе, однако, раз уж тот позвонил, пошёл в ванную и закрылся там, чтобы их разговор не разбудил и Дарию.

– Привет, дружище. Ну, что удалось выяснить?

– Пожалуй, главное, что тебе следует о ней знать, – начал Игорёк, – у неё официально диагностировано ДРИ.

– Чего-чего? – не понял спросонья Виталик.

– Диссоциативное расстройство идентичности.

– А по-русски? Это что, типа раздвоение личности?

– Не раздвоение, а растысячение! Каждый день она фантазирует о себе что-то новое – и сама искренне верит в свои фантазии. Её мозг не способен отличать реальность от вымысла. По личной договорённости родителей с врачом она лечится дома. Но за ней требуется круглосуточное наблюдение, она сидит на тяжёлых препаратах. Короче, девчонка на всю голову поехавшая. Прямо скажем, брать у неё интервью – не лучшая идея, респондент из неё хреновый: ни одному её слову нельзя верить!

– А раковая опухоль у неё, случайно, не диагностирована?

– Нет, я был бы в курсе. Физически она совершенно здорова.

Виталик был так вымотан переживаниями последних суток, что даже не знал, как на это реагировать. Поблагодарил Игорька, попрощался – но так и стоял без движения в ванной, как статуя, не понимая, что думать и чувствовать по этому поводу. Казалось, он вообще перестал что-либо понимать. Может, выйдет сейчас из ванной, а там вместо девушки лежит тигр – ничто уже не способно его удивить.

И вот он выходит из ванной – а девушка стоит в «мостике»: стопы и ладони на полу, а спина выгнута дугой назад, словно подкова.

– Ты ещё и гимнастка? – только и нашёл он сказать.

– Мастер спорта, – ответила Дария, так и стоя в «мостике».

– И почему прекратила занятия? – включил он журналиста.

– Потому что я сороконожка.

– Такая же гибкая? – не понял Виталик. – Так же легко гнёшься во все стороны?

– Да нет же, глупый!

Она сошла с «мостика» и села на шпагат. Так он хотя бы видел её лицо.

– Это же древняя притча. Неужели не слышал? У сороконожки спросили: «Как тебе удаётся так ловко управляться своими ножками? Их же так много! Как ты в них не путаешь».

ся?» Сороконожка задумалась – и не смогла больше ползать.

– Почему?

– Потому что задумалась!

Вышла из шпагата и встала «ласточкой» на левой ноге, задрав правую почти до затылка.

– Вот и я слишком много думаю – и поэтому ни в чём не могу добиться успеха. Ни в шахматах, ни в гимнастике. Хотя я очень способная!

В этот момент на него вдруг накатила жгучая злоба, ему захотелось убить эту девушку, задушить голыми руками за всё то, что ему пришлось пережить по её милости за последние сутки. Он сел на кровати и схватился за голову, пытаясь умиротворить бушевавший в нём гнев. Рассудком он вполне понимал, что злится не столько на неё, сколько на себя. Даже сам не заметил, как произнёс вслух:

– Она же не виновата, что она такая. Она в самом деле не отличает реальность от вымысла, как дитя...

– А кто отличает? – услышала она его, наконец встала на обе ноги, подошла и присела рядом. – Все мы, как дети, дополняем своими фантазиями то, чего не знаем наверняка. Знаем мы, может быть, в тысячу раз больше, чем дети. Но «в тысячу раз» звучит уже не так внушительно, если это разница между одной миллионной и одной тысячной процента. В тысячу раз больше – а всё равно ничтожно мало! А остальное мы, как и дети, допридумываем. И так же свято верим в свои допридумки, как в очевидные факты.

– Значит, нет никакой раковой опухоли? – спросил он напрямик. – И не было никогда?

– Была, но её давно вылечили.

Она встала перед ним и подняла платье, показывая продольный шрам от пупка вниз, словно от кесарева сечения, и несколько не смущаясь тем, что, помимо шрама, он увидел её трусы.

– К сожалению, вырезали вместе с маткой, так что я никогда не смогу стать матерью.

Опустила платье и снова села рядом.

– Очень жаль. Я так люблю детей! Знаешь, какой он – мужчина моей мечты?

– И какой же?

– Вдовец с маленькими детьми. Жаль, такого не часто встретишь.

Виталику вдруг стало весело. Словно какая-то защитная реакция психики, им вдруг овладело желание шутить, веселиться и подыгрывать ей в её игре.

– Знаешь, я как раз вдовец, – врал он на ходу.

Если ей можно, то чем он хуже? Тем более что Алёна для него в самом деле, считай, давно умерла.

– Правда, без детей.

– Значит, усыновим! – радостно воскликнула Дария.

Он не смог сдержать хохот.

– Что? – удивилась девушка его реакции. Она тут о серьёзных вещах говорит, а он хохотать вздумал! – Ты же со-

бираешься на мне жениться? Или как?

– Почему бы и нет, – ответил он, едва успокоившись.

Тут до него дошло, что он совершил уголовное преступление: похитил психически больную, недееспособную девушку, которая нуждается в медикаментозном лечении. Её отец, наверное, уже заявил в полицию, скоро их найдут, вернут её домой, а его посадят в тюрьму. Но при этом его продолжала одолевать какая-то истерическая весёлость, ему всё было по фигу, он пребывал в таком настроении, в котором люди совершают самые безрассудные поступки, а потом сами поражаются, что на такое способны.

А может, батюшка и сам будет рад переложить на кого-то ответственность за её лечение, сбросить это ярмо со своей шеи? Да, он на ней женится, несмотря на её болезнь! Уж он с ней намучается – но какая разница, если он любит эту девушку больше жизни? Хоть она и сумасшедшая, он всё равно её любит, несмотря ни на что! Не променяет на сотню здоровых красоток! Вот чего он столько лет ждал, вот к чему всю жизнь стремился, вот ради чего появился на свет – чтоб жениться на чокнутой и всю жизнь возиться с ней! Вот оно – его счастье!

5. Птица

Спустя несколько часов Виталик слегка успокоился и пришёл в себя. Они вкусно позавтракали в гостиничном ресто-

ране, и он даже немного поспал. К нему вернулась способность трезво мыслить и рационально оценивать ситуацию.

Он понимал, что для начала надо как-нибудь избежать уголовного преследования. Ведь она добровольно согласилась уехать с ним, ей двадцать один, она совершеннолетняя, а про её недееспособность он ничего не знал. Это нужно как-нибудь донести до её родителей. Может, стоит прямо сейчас отвезти её домой? А если они и слушать не станут, а сразу отправят его за решётку? А если и не отправят – как объяснить им, что он полюбил её и, несмотря на её болезнь, готов разделить с ней остаток жизни? Что, если они лишь посмеются над ним и никогда больше близко к ней не подпустят? Что, если она сама уже завтра про него забудет? Ну уж нет, если она вернётся домой – он может никогда больше её не увидеть.

Решение пришло само. Он и забыл, что оставил отцу Валерию свою визитку. Днём тот позвонил.

– Здравствуйте, Виталий. Простите, если мой вопрос Вам покажется глупым, но я в отчаянии и вынужден задавать его всем подряд: Вы, случайно, не знаете, где Дария? Вчера вечером она ушла из дома и не вернулась. Мы нигде не можем найти её!

– Знаю. Она со мной, – спокойно ответил Виталик.

– Боже! – Священник облегчённо вздохнул. – Почему же Вы нам ничего не сказали? Мы с матушкой места себе не находим! Пожалуйста, скажите, где вы? Я сейчас же приеду!

Девочку нужно как можно скорее вернуть домой, она больна, ей необходимо лечение!

Виталик представил, как поп является в гостиницу под вой сирен и навсегда забирает у него любовь всей его жизни.

– Давайте спокойно поговорим, – ответил он.

– Конечно! Где и когда? Я выезжаю сейчас же!

– Центр Иркутска, автобусная остановка «Сквер имени Кирова».

– Буду через полчаса!

Виталик оставил Дарию в номере, а сам пошёл на остановку, которая находилась недалеко от гостиницы. Священник примчался на такси скорее, чем обещал. Он был один. Им повезло: недавно прошло несколько автобусов подряд, и они могли поговорить наедине. Виталик был готов к тому, что поп начнёт орать на него, ругаться и грозить полицией за похищение его единственной дочери. Однако батюшка снова лишь добродушно улыбался, всем своим видом выражая готовность мирно договариваться и искать компромиссы.

– Прошу, выслушайте меня, – начал Виталик. – Я очень виноват перед Вами, но за последние сутки столько всего произошло... Даже не знаю, с чего начать.

– Виталий, поймите, у Дарии тяжёлое психическое заболевание.

– Я знаю. Теперь знаю. Но я узнал об этом только сегодня утром.

Пока Виталик ждал отца Валерия на остановке, он вроде

уже не раз прокрутил в голове всё, что должен сказать. Однако теперь понимал, как глупо всё это звучит, и начал допридумывать на ходу:

– Я должен Вам признаться: я давно знаю и люблю Вашу дочь.

– Откуда же Вы её знаете? Она почти не выходит из дома.

– Проезжал мимо и увидел её случайно в окне... около года назад. И с тех пор не могу выбросить её из головы. Уже много раз возвращался к Вашему дому, чтобы снова хоть мельком взглянуть на неё.

– Вы действительно журналист?

– Да, но интервью было лишь поводом, чтобы наконец познакомиться с Дарией. Вчера вечером, когда она пошла выносить мусор, я заговорил с ней, и она...

– Виталий, я верю, что она сама захотела уехать с Вами. Но поймите, она не в своём уме.

– Но ведь она безобидна! Ни за что не поверю, что она может причинить кому-то вред.

– Она может причинить вред себе! Думаете, почему у нас на втором этаже решётки? Прошлым летом Дария решила, что она птица – и вылетела из окна в чём мать родила! Чудом ничего не сломала!

Виталик еле сдержал улыбку: «Да, это моя Дария, она может такое выкинуть».

– Для Вас тоже, поверьте, всё будет совсем не так, как, может быть, кажется поначалу, – продолжил священник. –

В своей болезни она бывает очаровательна, трогательна, как дитя. Но болезнь есть болезнь, и временами её безумие жестоко и беспощадно мучает всех окружающих, а больше всего – саму Дарию.

– Мне всё равно. Я люблю её и хочу быть с ней, – решительно заявил Виталик.

– Я понимаю и, поверьте, ничего не имею против вашей любви. Я готов благословить вас. Но для начала её нужно вылечить.

– Это ведь неизлечимо, она всегда будет такой.

– Мы не можем знать, что будет. Неисследимы пути Господни. Но сейчас её необходимо вернуть домой. Ей нужно принять лекарства, а Вам – разобраться получше и понять, с чем Вы столкнулись, прежде чем принимать столь судьбоносные решения.

– Бойтесь, что передумаю и привезу её Вам обратно?

– Поверьте, я не стану препятствовать вашему общению. Я лишь прошу дать нам всем возможность тщательно всё обдумать и лучше узнать друг друга. А до тех пор, пожалуйста, отдайте мне моего ребёнка!

Виталик хотел верить батюшке. В самом деле, разумнее всего было бы вернуть её отцу. Но одна подлая мысль точила его мозг: «Поп только прикидывается добреньким, лишь бы забрать у меня Дарию. Где гарантия, что я снова её увижу?» Слишком много он уже выстрадал, чтобы быть с ней, и просто не сможет без неё жить! Как же можно собственно-

ручно отдать своё самое дорогое сокровище? А потом что? Каждый раз выклянчивать право с ней увидеться – и то лишь в её комнате и под строгим надзором родителей?

Но главное, конечно, не это. «Лучше узнать друг друга» – значит узнать, что формально он до сих пор женат, хотя Дарии уже представился вдовцом. Стыдно признать, но он ведь просто боится, что его враньё раскроется! Допустим, он разведётся – поп с его моральными принципами позволит ли дочери сойтись с разведённым? Виталику противна была сама мысль, что придётся у кого-то просить разрешения на встречу с любимой девушкой! Нет, это не для них! У них всё должно быть иначе! Он вдруг понял, что весь смысл их любви заключается в безрассудности, сумасбродности ситуации!

– Вы позволите личный вопрос? – вырвал его из раздумий отец Валерий. – Раз уж у Вас столь серьёзные намерения в отношении моей дочери, не могу не спросить: Вы верите в Бога?

Виталик решил, что, если уж начал врать, надо врать до конца.

– Да, конечно, – ответил он. – Хотя, честно признаться, уже очень давно не бывал на исповеди.

– Вы можете исповедаться мне. Прямо здесь и сейчас.

– На автобусной остановке? – усмехнулся Виталик.

– Почему бы и нет? Мы здесь одни. И коль скоро Вы собираетесь со мной породниться, это хороший способ лучше узнать друг друга.

Виталик замешкался. Подвешенный язык журналиста, наверное, впервые в жизни ему отказал.

– Даже не знаю, что сказать. Спросите меня о чём-нибудь.

– Вы женаты?

– Жена умерла несколько лет назад, – повторил он ту же ложь.

– Соболезную Вам. Но простите... Возможно, я ошибаюсь, но, когда Вы говорите об этом, меня не покидает чувство, что Вы чего-то не договариваете.

«Неужели почуял ложь? – испугался Виталик. – Вот так пронизательность! Или просто вызывает на максимальную откровенность? Надо раскрыть (или сделать вид, что раскрыл) какую-то особенно сокровенную тайну, чтобы обрести доверие будущего тестя». Он копался в себе и не мог найти ничего подходящего, о чём был бы готов рассказать отцу Дарии, чтобы в самом деле не выдать правду о себе, но и не запутаться в собственном вранье.

– Знаете, я... Мне правда очень стыдно, но... – подыскивал он на ходу нужные слова. И вдруг неожиданно для самого себя выпалил: – Я был рад смерти жены. Я хотел, чтобы она умерла.

Сказал – и сам поразился тому, как много правды крылось за этой ложью. Теперь он в самом деле желал смерти Алёны и в самом деле стыдился этого, боясь самому себе в этом признаться. «Я как Тони Монтана, – подумал он. – Всегда говорю правду, даже когда лгу».

– Но почему? – удивился священник.

– Потому что хотел быть с Дарией.

«Я ведь и правда давно искал нечто подобное».

– Вы полюбили мою дочь, ещё будучи в браке?

– Да, но ни за что не осмелился бы к ней подойти. Я держал свои чувства в себе и никому о них не рассказывал. Я и не надеялся, что когда-нибудь...

«...встречу такую девушку в реальности», – закончил он про себя.

Но тут на остановку пришла бабуля с битком набитой сумкой-тележкой. Мужчины встали, чтобы уступить ей место.

– Виталий, пожалуйста, привезите Дарию домой, – судорожно зашептал ему на ухо батюшка. – Подумайте: Вы подвергаете её опасности, делаете ей хуже – хотя утверждаете, что любите!

Эти слова священника всерьёз задели Виталика.

– Будь я уверен, что ей действительно лучше взаперти – поверьте, она была бы с Вами уже сейчас.

– А может быть, не стоит спорить с врачами? Прошу, не вынуждайте меня идти на крайние меры, обращаться в полицию. Поверьте, я очень не хочу этого. Я искренне желаю решить всё мирно!

Виталик неожиданно улыбнулся.

– Скажите, была у Дарии сестра-близнец?

– Нет, это её типичная выдумка.

– А раком она никогда не болела?

– Помилуй Бог! Что ещё она Вам про себя наплела?

– Но я видел шрам у неё на животе.

– Никаких шрамов у неё нет, – удивился священник.

Подошёл автобус, и бабуля уехала. Но они уже не стали садиться, а решили, что пора прощаться. Отец Валерий украдкой всунул Виталику в руку пузырёк с лекарством.

– Если Дария не вернётся в ближайшее время – пожалуйста, хотя бы давайте ей эти капсулы. Каждое утро после завтрака. Иначе она совсем потеряет связь с реальностью.

Виталик положил пузырёк в карман и пожал священнику руку.

– Прошу, не тревожьтесь о дочери. Я желаю ей только добра.

– Верю, – ответил батюшка. – И не теряю надежды, что Вы примете верное решение.

6. Дети-маугли

На обратной дороге, подходя к гостинице, он вдруг услышал вой сирен, увидел машины скорой помощи и полиции, скопление зевак, которые пытались прорваться сквозь полицейское оцепление и разглядеть получше нечто лежащее на земле.

Тут в памяти всплыли слова отца Валерия: «Дария решила, что она птица – и вылетела из окна в чём мать родила!»

«Боже, только не это! – подумал Виталик. – Я ведь оставил

её одну на верхнем этаже! Если это она там лежит – я тут же вылечу вслед за ней, потому что никогда не смогу простить себе этого и жить с этим!»

Он не мог прорваться к телу, лежавшему на асфальте, да и не хотел верить, что это Дария – поэтому в панике побежал вверх, в номер, надеясь найти её там. Нужно было долго ждать лифта, а он не в силах был просто стоять на месте – и побежал по лестнице быстрее, чем убегают от автоматной очереди.

К счастью, девушка оказалась в номере. Она смотрела в окно на упавшего человека и плакала.

– Дария! – закричал он и крепко обнял её.

Словно камень упал с души, но сердце до сих пор колотилось как бешеное.

– Пожалуйста, увези меня отсюда, – сказала Дария.

– В этом нет нужды, мы здесь в безопасности, – ответил Виталик.

Но девушка вдруг расплакалась и закричала:

– Нет, прошу, давай уедем сейчас же! Я видела, как она упала, и мне очень страшно! Мне кажется, что это я там лежу! Я не могу здесь оставаться! Пожалуйста!

– Хорошо, хорошо, поехали.

Они взялись за руки и так же быстро побежали вниз, будто спасались от чего-то. Снова по лестнице, потому что не могли ждать лифта. Пулей вылетели из гостиницы, сели в машину и поехали с такой скоростью, какую только могла

выжать из себя его колымага.

Он и сам не знал, куда везёт её на этот раз. Ей хотелось быть как можно дальше от этого проклятого места, где на её глазах кто-то выбросился из окна, а он чувствовал её желание как своё, к тому же был по-прежнему на взводе – и просто ехал в сторону Байкала, потому что туда смотрела машина.

Проехал её родной Молодёжный. Может, сам не заметил, как обогнал по дороге батюшку. Когда оба наконец успокоились, тормознул на заправке и открыл ноутбук, чтобы решить, куда ехать дальше. Заглянул в кошелёк и понял, что на очередную гостиницу просто не хватит денег.

Но тут в голову пришла безумная идея. Было одно местечко, где им, возможно, удастся схорониться на время и где их точно не станут искать. Поймав Wi-Fi заправки, залез на рабочий сервер и открыл файл, который Алёна назвала «Полюмный дед».

Точно, они едут как раз в нужном направлении – Ольхонский район, посёлок Бугульдейка. Часа три в пути – но зато максимально далеко и от Алёны, и от отца Валерия. К тому же столь живописное место на побережье! Что может быть романтичнее, чем оказаться там вдвоём с Дарией? А под предлогом интервью, может, удастся выяснить у старика, где там недорого остановиться. Или даже заночевать у него самого.

– Я в шоке, – смеясь, сказал по дороге Виталик. – Просто в

шоке от всего, что со мной творится! Ещё вчера утром не мог представить себе ничего подобного, сам от себя не ожидал такого дичайшего безрассудства! Что я делаю? Почему так сильно люблю тебя? Как тебе удалось завладеть мной, если я совсем тебя не знаю? Да что там, ты даже сама себя толком не знаешь!

– А ты себя знаешь? – спросила Дария.

Виталик подумал с минуту и ответил:

– Пожалуй, ты права. Я уже сам не понимаю, кто я такой.

– И это нормально. Если ты не знаешь, кто я – значит, не знаешь, кто ты.

– Ну давай, расскажи очередную байку, – ухмыльнулся Виталик.

– Это не байка, а научный факт, – вновь обиделась она на его несерьёзное отношение. – Слышал про детей-маугли?

– Это которые росли с обезьянами – и сами стали как обезьяны?

– Это доказывает одну простую истину: всё, что мы знаем – мы знаем от других людей. Существует ли вообще такая вещь, как личность, индивидуальность? Или каждый из нас – лишь сумма влияний? Когда их достаточно много и они достаточно разнообразны – получается смесь, в которой трудно различить отдельные ингредиенты. Но есть ли в ней в самом деле что-то исключительно своё, уникальное, не почерпнутое у родителей, друзей, учителей?

– Интересный вопрос, – ухмыльнулся Виталик и с любо-

пытством продолжил её слушать.

– Вот и получается, что если ты не знаешь другого – то не знаешь и себя. Мы лишь отражения тех, кто нас окружает – и знаем о себе лишь то, что они нам расскажут. Мы лишь крошечные осколки реальности, которую формируют другие. И если ничего не знаем о них – то не знаем и о себе.

– Ты, пожалуй, права.

– Со вчерашнего дня вся твоя жизнь вертится вокруг меня.

– И то верно, – признал Виталик.

– И это значит, что я – основной элемент твоей реальности, фундамент твоей нынешней картины мира. И при этом я сама не знаю, где правда, а где ложь – откуда же тебе это знать? Сама не знаю, кто я – откуда же тебе знать, кто ты?

– Чёрт возьми, так и есть!

– Безумие заразительно: рядом со мной скоро сам перестанешь понимать, что реально, а что придумано.

– Кажется, я уже перестал это понимать. Мы действительно сидим сейчас в этой машине и едем на Байкал?

– Ты спрашиваешь в шутку, а ведь это совсем не смешно.

– Нет-нет, поверь, я вовсе не шучу. Я сумасшедший! Но почему же мне кажется, что только теперь я наконец стал нормальным?

– Так думают все сумасшедшие. И часто бывают правы.

Он вёл машину и думал только о том, что именно сейчас, впервые за сорок лет абсолютно счастлив. Он не знал, что

будет завтра, где они будут жить и что будут есть, у него не было денег, его повсюду искали жена и отец Дарии, которому он наврал с три короба – но всё это было совершенно не важно. В этот момент у него было всё, что нужно для счастья. Ему было просто хорошо рядом с ней, и ничего больше не хотелось от жизни.

– Скажи мне, Дария, чего ты сама хочешь? – вдруг спросил он. – Ты не обязана со мной ехать. Я могу отвезти тебя домой.

В эту минуту он готов был к любому её ответу и с радостью исполнил бы любое её желание.

Но Дария посмотрела ему в глаза предельно серьёзно и сказала:

– Я хочу остаться с тобой.

7. Металлоискатель

Уже темнело, когда навигатор привёл их в пункт назначения. Снова пришлось ехать по грунтовке, подняв облако пыли. И снова, как только оно рассеялось, на обочине оказалась одинокая старушка с пирожками. Причём Виталик мог бы поклясться, что это не просто похожая, а та же самая старушка. Может, её сестра-близнец?

– Здравствуйте, бабуля! Позвольте спросить...

– Пирожок купи, потом спрашивай.

Он вспомнил, что они с Дарией ещё не пообедали.

– Парочку с мясом. Скажите, пожалуйста, где живёт Артемий Степанович Бугаев?

– Во-он там. – Она указала пальцем на двухэтажный дом вдалеке на другой стороне дороги. – Только на кой он вам сдался? Дед-то совсем того, – постучала она себя костяшкой по лбу. – Когда трезвый – ещё куда ни шло, а как выпьет – держись.

Ощущение дежавю не покидало Виталика. Дом был точно такой же, как у Дарии. Только без забора и решёток на втором этаже.

– Гляди, собака совсем как наша! – воскликнула Дария.

К ним и в самом деле подбежала немецкая овчарка, заскулила и завиляла хвостом.

– Она такая голодная! Можно я ей отдам свой пирожок? Ты же мне купишь ещё?

И, не дожидаясь ответа, сунула свой пирожок прямо в пасть собаке. Та за считанные секунды проглотила угощение, встала на задние лапы, положила передние девушке на грудь и лизнула её прямо в губы. Дария засмеялась, а Виталик протянул ей носовой платок, чтобы вытереть лицо. Почему-то подумалось, что этот дурацкий момент он будет помнить всю жизнь, а платок хранить как реликвию.

Когда они позвонили в дверь, им долго никто не открывал, и они уже было решили, что старика нет дома. Но тут послышался лязг замка, скрип двери – и первым оттуда выглянуло дуло охотничьей двустволки.

– Кто такие? Чего надо? – грозно спросил дед.

– Артемий Степанович? Здравствуйте! Меня зовут Виталий, а это Дария. Мы журналисты. Приехали поговорить по поводу снаряда.

– А-а, из «молодёжки»?

– Да, из неё родимой.

Виталик не стал разубеждать деда, который был, очевидно, не в курсе, что иркутская газета «Советская молодёжь» давно закрыта.

– Ну заходите.

Дед повесил ружьё на стену, и Дария тут же принялась его любопытно разглядывать и даже трогать.

– Осторожно, заряжено, – предупредил старик.

– Конечно, иначе как же оно выстрелит в последнем действии, – пошутил Виталик.

Артемий Степанович пригласил их за стол, на который тут же поставил бутылку водки и три гранёных стакана.

– Что Вы, я на работе, – демонстративно отказался Виталик.

Но старик настоял, а Виталику только того и надо было: сейчас напоит, накормит и уложит спать.

– Ей нельзя, она ещё маленькая, – с улыбкой сказал Виталик.

– Не больно-то и хотелось, – картинно обиделась Дария.

– Вы, главное, вот что поймите, – начал дед, как только они опрокинули по первому стакану. – Мне не надо, чтобы

вы писали об этом проклятом снаряде, привлекали к нему внимание, будь он неладен. Мне надо помочь его найти! Я хочу, чтобы кто-нибудь наконец пришёл ко мне с этим... как его... ну, как в аэропорту...

– С металлоискателем?

– Точно! И обыскал дом как следует, а то я сам уж еле двигаюсь.

– Сделаем, Артемий Степанович, непременно.

Тут Дария беспардонно влезла в сумку Виталика и достала оттуда селфи-палку, которую тот иногда использовал в качестве репортёрского штатива-монопода. Потом так же беспардонно достала у него из кармана смартфон, прикрепила и направила экраном в пол.

– Это ж телефон, – справедливо заметил дед.

– А там приложение специальное, – нашёлся Виталик. – Любой металл за два метра чувствует. Даже сквозь деревянный пол.

– Не бойсь, – шепнула Дария Виталику. – Я где угодно что угодно найду. Думаешь, на какие шиши папа храм построил? Да я прям на нашем участке откопала клад времён атамана Ермака!

Она пошла по дому с «металлоискателем», а дед продолжил:

– В общем, было дело в самый разгар войны. Мне только шесть стукнуло. И повезли меня родители отсюда к родне в Бурятию. А по дороге заметил я, что прямо над нашим до-

мом пролетел немецкий самолёт и сбросил снаряд, а тот не взорвался. Никто мне тогда не поверил – мол, придумывает пацан, кто ж дитя слушать станет. Все же знают, что никаких немцев в наших краях отродясь не бывало. Только смеялись надо мной. А я всё думал: вернусь – тут же пойду этот самый снаряд искать. Найду и покажу всем.

– И что же было, когда Вы вернулись?

– К сожалению, только через два года обратно меня привезли. Война уж закончилась, а дед с бабкой этот самый дом отремонтировали. Точнее сказать, вовсе перестроили. Где теперь этот снаряд искать? Так никто мне и не поверил, а я твёрдо помню, что своими глазами видел, как он упал!

– Опишите подробнее: как это было?

– Как сейчас помню: по той самой дороге, по которой вы приехали, отъезжаем мы на грузовике, теснимся в кузове с другими односельчанами. И тут вижу – летит «Мессершмитт» и здоровенную такую железную дуру скидывает. И вот несётся она вниз со свистом. Треск, грохот издалека слышался – видать, потолок насквозь прошибла. А куда она потом делась – кто ж её знает? Да только самолёт этот я потом по памяти в точности нарисовал. Жаль, рисунок не сохранился. Но как бы я смог его так детально изобразить, если в нашей Сибири их отродясь не видал? Одно время сам, чего греха таить, сомневался, уж не привиделось ли мне, фантазия мальчишеская разыгралась. Но, как ни странно, чем больше времени проходит, тем сильнее уверен.

– Я Вам верю, Артемий Степанович, честное слово. Сделаю всё, что в моих силах, чтобы Вам помочь.

– Теперь вон этот самый интернет появился, а там найти можно что угодно. Есть и архивы немецкие. Они ж, сволочи, педантичные, каждый упавший снаряд записывали. И там тоже ясно сказано, сам проверь, что над этим самым местом в такой-то день, такого-то числа и в такое-то время пролетал истребитель и сбросил снаряд. Скольких я в эти циферки мордой тыкал – да им хоть ссы в глаза, всё равно не верят. На всё у них один ответ: Степаныч умом поехал. Пора бы давно уже в тех архивах покопаться, с нашими сопоставить, да всё не взорванное отыскать. А то ведь до сих пор иногда люди подрываются, дети гибнут. Да кого это теперь волнует?

Виталик тяжело вздохнул и молча опрокинул ещё один стакан.

– Вот помру я скоро, – продолжал дед. – Кто тут жить будет? Мои внуки, правнуки. А не жить – так приезжать на лето. То-то у меня на сердце тревожно – не чувствую, что они будут тут в безопасности. Как же мне помереть спокойно, если каждый день во сне вижу, как внуку моему вот прям здесь, на этом месте ручки-ножки отрывает? Помогите старику, добрый человек, помогите. А потом пишите про меня где хошь и что хошь.

– Обязательно поможем, Артемий Степанович. Только сейчас уж ночь на дворе, мы долго ехали, нам бы где-нибудь

остановиться на ночлег.

– А вы ложитесь у меня наверху. Дом большой, а я уж давно тут один живу. Мне с молодёжью пообщаться – одно удовольствие.

– Даже не знаю, как Вас благодарить, – сказал Виталик, иронично улыбнувшись тому, что его тоже причислили к молодёжи. – Только нам, пожалуйста, две разных кровати, а то мы всего лишь коллеги.

8. Сундучок

Той ночью он наконец как следует выспался. Было уже десять, когда его разбудило пение Дарии:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Виталик с упоением слушал её дивный голос, но не мог понять, откуда тот раздаётся. Словно она заперта в каком-то ящике.

Бежал из тюрьмы тёмной ночью.
В тюрьме он за правду страдал.

Бежать больше не было мочи.
Пред ним расстился Байкал.
Бежать больше не было мочи.
Пред ним расстился Байкал.

Поднялся с кровати, прошёлся по комнате, прислушался – и понял, что она сидит в шкафу. Тихо встал перед дверцей, чтобы её не спугнуть, и заслушался с блаженной улыбкой на устах.

Оставил жену молодую.
Оставил я малых детей.
Теперь я иду наудачу.
Бог знает, увижусь ли с ней.
Теперь я иду наудачу.
Бог знает, увижусь ли с ней.

– Выходи, певунья! – крикнул он ей через дверь.
Дария помолчала с минуту, а потом говорит:
– Меня здесь нет.
– А где же ты? – решил подыграть ей Виталик.
– Выпала вчера из окна гостиницы. А ты не можешь с этим смириться – вот и воображаешь, что я по-прежнему рядом.
– Ну-ну, – усмехнулся он и отправился в ванную.

Но пока он не торопясь умывался, чистил зубы и принимал душ, его не покидало чувство тревоги. Он отгонял эту абсурдную мысль, как назойливую муху, но она всё настой-

чивее свербела в его мозгу: что, если так и есть? Что, если это и вправду её тело лежало тогда на асфальте прямо под окнами их номера? За последние пару дней границы привычной реальности столь угрожающе раздвинулись, что он уже не был ни в чём уверен.

Вышел из душа, оделся и пошёл искать Дарию. Заглянул первым делом в шкаф – там было столько вещей, что непонятно, как могла уместиться девушка. Обошёл весь дом – Дарии нигде не было.

– Артемий Степанович, доброе утро, – обратился он к деду, который жарил яичницу на кухне. – Вы не видели Дарию?

– Кого? – не понял дед.

– Со мной вчера была девушка, помните? Она ещё сделала металлоискатель.

– Какая девушка?

Тут Виталик не на шутку испугался. Его прошибло ледяным потом и затрясло, как в лихорадке. Он в панике схватился за голову и побежал на улицу.

Помимо той самой бабки с пирожками, там развернулся целый рынок: овощи, фрукты, ягоды, местный мёд. Шум, суета, толпа – как тут кого-то найдёшь? Однако старуха должна их помнить.

– Доброе утро. Вы меня помните? Вчера вечером я покупал у Вас пирожки.

– Помню-помню, Бугаева искал. Ну что, нашёл?

– Нашёл, а вот девушку свою потерял. Помните, она вчера

угостила собаку Вашим пирожком?

– Только что тут была подруга твоя. Фрукты-ягоды у всех пробовала, да ничего не купила.

Виталик вздохнул с облегчением: по крайней мере, Дария существует в реальности. При условии, конечно, что реальна бабка – точная копия той, из Молодёжного.

– Не видели, куда она пошла?

– Да как тут увидишь? Народу сколько!

Тут к нему подбежала та самая псина и завиляла хвостом, надеясь, что её снова угостят пирожком.

– Стоп, ты же немецкая овчарка, ищейка! – осенило Виталика.

Он купил пирожок, но сразу не отдал его собаке, а вместо этого сунул ей под нос платок, которым Дария вчера вытерла лицо.

– Ну давай, Мухтар, найди мне Дарию – куплю тебе хоть десяток пирожков!

Пёс не подвёл: тут же взял след и помчался с такой скоростью, что Виталик едва за ним поспевал.

Через минуту они прибежали на побережье Байкала. Там, очевидно, снимали массовую сцену для кино: куча народу, по рельсам ездит тележка с оператором, режиссёр бежит по пляжу и орёт что-то в мегафон, галка усеяна проводами, а вдоль берега расставлены рядами столы с печеньем и бутербродами. Дария бродила вдоль этих столов, хватала всё подряд и пихала в рот, не успевая жевать.

Мухтар получил заслуженный пирожок. Виталик подошёл к Дарии и крепко обнял её.

– Пожалуйста, не делай так больше, – сказал он. – За последние пару дней я уже дважды пережил твою смерть!

– Присоединяйся, – ответила девушка с набитым ртом, высвобождаясь из его цепких объятий. – Когда снимают массовку, актёров всегда вот так кормят. В лицо всех не упомянуть, так что легко можно пробраться на съёмочную площадку и поесть на халяву!

– Пойдём лучше в дом, там тоже халявный завтрак.

– Лучше прогуляемся по берегу. Сто лет не была на Байкале!

Ей трудно было идти по гальке в своих рваных босоножках, поэтому она взяла его под руку, и они побрели вдоль берега.

– Ты знал о моей kleптомании? – спросила Дария.

– Боже, ещё и kleптомания!

– Ну, не совсем. Облегчённая форма. Воровать мне не нужно, но без халявы я жить не могу. Меня без неё ломает, как наркоманку. Она мне жизненно необходима, как еда и воздух. Из-за этого я даже впервые попала в психушку!

– Ну-ка, ну-ка, расскажи.

– В общем, стою я как-то в очереди в кассу кинотеатра. Парень передо мной наклоняется к окошку и говорит: «Сундучок». Так и сказал: «Сундучок». И ничего больше, всего одно слово! Кто бы знал, что оно означает. А кассирша берёт

и протягивает ему халявный билет!

– И ты пыталась получить билет таким же образом?

– Конечно, не сразу. На следующий день подхожу к той же кассе, там сидит та же необъятная тётка. Я ей говорю: «Сундучок». А она смотрит на меня, как на дуру, и не понимает, чего я от неё хочу!

– И из-за этого ты попала в психушку?

– Конечно, не сразу. Меня это мучило целый месяц! Я объездила все кинотеатры области, а потом цирки, зоопарки, концертные залы – не было места во всём регионе, где продавали на что-то билеты и не побывала бы я. В каждую кассу суюсь со своим «сундучком» – а меня везде посылают! Весь интернет облазила, пытаюсь понять, что могло означать это слово – и всё без толку! Это не давало мне покоя, я не могла просто смириться с тем, что где-то есть халява, которую я не могу получить!

– Однако пришлось смириться?

– Конечно, не сразу. Но в конечном итоге пришлось. Увы, так ничего и не нашла. На этой почве у меня и случился нервный срыв.

– Просто загадка века! – засмеялся Виталик.

– Тебе всё хиханьки, а я правда чуть не умерла!

Тем временем они подошли к забору, который отделял часть пляжа и уходил прямо в озеро. Дария, ни минуты не колеблясь, полезла через него. Виталик её подсадил, на секунду схватив за попу, и сам полез следом.

С той стороны не было ни души, и никто не мог видеть их. Галька сменилась песком, и вода почему-то была особенно чистой.

– Давай купаться! – радостно закричала девушка.

– Если ты такая же рыба, как и птица, то лучше не стоит, – пошутил Виталик.

– Да ну тебя! – махнула на него рукой Дария.

Одним изящным движением она скинула платье и осталась в одних трусах. При этом его не столько поразила её внезапная обнажённая грудь, сколько то, что на животе у неё в самом деле нет никакого шрама. Хотя он мог бы поклясться, что видел шрам вчера утром.

Не успел он опомниться, как она уже плескалась в Байкале и весело хохотала.

– Да чёрт с тобой! – сказал он, тоже разделся до трусов и полез за ней в холодную воду.

А про себя подумал: «Вот он – тот самый момент, который на склоне лет будет вспоминаться как самый счастливый в жизни».

9. Полутьма

После обеда Дария снова пошла по дому с «металлоискателем», а Виталик продолжил пить водку с дедом Артемием. В какой-то момент с другого конца дома раздались звуки фортепиано. Виталик пошёл туда.

В кладовке стояло старое и побитое советское пианино. Дария играла какую-то пьесу Шопена. Не всегда попадая в ноты, но местами довольно чувственно, и это с лихвой компенсировало тот прискорбный факт, что инструмент был вконец расстроен. Виталик стоял и слушал с наслаждением, как и её утреннее пение в шкафу, не уставая поражаться тому, сколько всего она умеет.

И тут нога её случайно соскользнула с педали и ударилась о деревянный пол. Она тут же прекратила играть, замерла и несколько раз постучала по тому месту, словно что-то нащупала.

– Ну-ка, помоги, – вдруг сказала она.

Вместе они отодвинули инструмент, стараясь сильно не шуметь, чтобы не привлечь внимания деда. Дария тут же начала топтать по доскам, которые лежали под пианино.

– Неси топор.

– С ума сошла?

– Уже давно. Ты разве не знал?

Топор не нужно было нести, он лежал рядом в той же кладовке. Виталик стоял и смотрел, как хрупкая девушка разбирает пол, и от удивления даже не сообразил предложить ей мужскую помощь. Впрочем, дерево было такое ветхое и гнилое, что ей хватило лишь нескольких ударов, чтобы снять пару досок. И этого оказалось достаточно, чтобы увидеть то, что лежало под ними.

Виталик не верил своим глазам. Разве мог он с чем-либо

спутать то, что убило его ребёнка? Это был именно он! Даже сквозь толстый слой вековой налипшей грязи безошибочно угадывались контуры настоящего немецкого снаряда времён Великой Отечественной!

– Вот дед обрадуется! – Дария аж подпрыгнула от радости. Но Виталику было совсем не до смеха.

– Надо срочно вызывать сапёров. А ты лучше отойди по-дальше.

Взял её за руку и повёл на кухню, где Артемий Степанович доедал свой обед. Но на пороге остановился как вкопанный: в дверях стояли Алёна и отец Валерий.

Сразу стало ясно: говорить что-либо бессмысленно, обман раскрыт. И Дарию у него сейчас заберут навсегда.

– Как вы нас нашли? – спросил он.

– Ты зашёл на сервер и открыл файл «Полоумный дед», забыл? Игорёк отследил и сообщил мне.

– Предатель. А ещё друг называется...

– Ты эгоист! С какой стати он должен из-за тебя рисковать карьерой?

– Виталий, – робко сказал священник, – простите, я не мог иначе. Мы Вам звонили многократно, но Вы, видимо, отключили телефон. Снаружи ждёт полицейская машина. Вам придётся отдать мне дочь.

– Как только ты вляпался в такое, кретин! – закричала Алёна. – Украсть больного ребёнка из дома тайком от родителей! Да ты совсем из ума выжил! Что, запал на миленькое

личико и стройную фигурку? Мечта любого мужика – вроде та же самая, но каждый день новая! Поигратся захотел в принца-спасителя? Посидишь теперь пару лет за решёткой!

– Я бы не хотел доводить до этого, – возразил ей батюшка.
– Давайте всё-таки решим дело миром.

– Нет уж, пусть посидит, подумает! А то уж больно много о себе возомнил – будто ему всё позволено! Раз девочка не в своём уме – значит, с ней можно творить что вздумается?

– Тебе-то какое дело? – с трудом перекричал её Виталик.
– Мы давно уже друг другу чужие! Не всё ли тебе равно, с кем я и почему? Что ты сюда припёрлась читать мне мораль?

– Потому что я всё ещё твоя жена! А ты теперь долбаный уголовник! Не говоря уж о том, что слинял с работы, не отпросившись, и который день не отвечаешь на звонки!

– Что вы все делаете из меня монстра-похитителя, растлителя малолетних или чёрт знает кого ещё? Я впервые в жизни по-настоящему полюбил! И ей было хорошо со мной! Видит Бог, спросите у неё сами – ей было со мной лучше, чем дома в четырёх стенах!

– Вы не понимаете, Виталий, – снова вклинился батюшка.
– Вы не слышите меня. Я пытался Вам объяснить...

– Да не надо мне ничего объяснять! Я не желал никому зла, а тем более Дарии! Ей двадцать один, и она поехала со мной добровольно!

– Она недееспособна, всё равно что младенец! – ещё громче завопила Алёна. – Подумал бы наконец башкой, а не чле-

ном! Полюбил он впервые в жизни...

– При чём тут... – Виталик едва удержался, чтобы ей не врезать. – Я её не касался!

– Конечно, ты же у нас святой. В жизни мухи не обидел.

– Мух, может, и обижал, а вот кого-то крупнее – навряд ли.

– А как же мой аборт, который ты заставил меня сделать на первом году брака?

Виталика охватил жгучий гнев на жену за то, что так вот походя, как бы между прочим, наплевав на его чувства, выдала, пожалуй, страшнейшую его тайну, последнее, о чём он стал бы рассказывать Дарии и её отцу.

– Ну, он тогда был не крупнее мухи, – отшутился Виталик и чуть не заплакал от отчаяния.

Отец Валерий подошёл к нему, положил руку ему на плечо и сочувственно заглянул в глаза.

– Виталий, пожалуйста, прекратим это. Мне очень жаль, правда. Но у Вас нет выбора. Всё кончено. Отдайте мне дочь, и я обещаю, что заберу заявление. Поверьте, я совсем не хочу, чтобы Вас посадили в тюрьму. Всё это какое-то глупое недопонимание...

И тут Виталику попалась на глаза висящая на стене двустволка. Вмиг перестал он себя контролировать, в порыве ярости не осознавал, что делает. Словно им управлял кто-то извне, схватил ружьё и выстрелил в воздух. Все вздрогнули, завизжали и в панике хватались друг за друга. Дед выронил

стакан, и тот разбился вдребезги. С продырявленного потолка дождём посыпалась труха. Снаружи завывала полицейская сирена, и кто-то прокричал в мегафон:

– Немедленно бросьте оружие и выходите с поднятыми руками!

Но Виталик вместо этого подбежал к снаряду и нацелил ружьё на него.

– А ну, живо свалили отсюда все! Дайте нам с Дарией уехать! Или взорву здесь всё к чёртовой матери, мне терять нечего!

– Ты чего это, сволочь, мне потолок дырявишь? – заорал дед.

– Что ты творишь, придурок? – заорала Алёна.

– Виталий, не нужно всё усложнять! – заорал отец Валерий.

Они кричали наперебой, так что Виталик не мог разобрать слов. Голова лопалась от шума, и он готов был плюнуть на всё и выстрелить, лишь бы это сейчас же прекратилось.

Но вдруг их крики словно лезвием насквозь прорезал тихий, чуть хриплый от слёз голос Дарии:

– Хватит, я хочу домой.

Этими словами она будто нажала на пульте кнопку отключения звука: все, как заговорённые, разом замолчали, и в кладовке повисла напряжённая тишина. Даже сирена снаружи умолкла, и полицейские замерли, словно игрушечные.

– Вчера ты спрашивал меня, чего я хочу. Так вот, теперь

я хочу уехать домой с отцом.

Виталик взгляделся в её лицо. Это была как будто совсем другая девушка. Сейчас ей было на вид лет тридцать. Ничего не осталось в ней от беззаботного ребёнка, который ещё утром мог прыгнуть в воду голышом. Она была зрелой и опытной, усталой и измученной жизнью женщиной.

– Откуда ты знаешь, что именно это – настоящая ты?

– А откуда ты знаешь, что именно это – настоящая любовь? Ты ведь любил когда-то свою жену. И наверняка не только её. И каждый раз думал: вот оно – настоящее, на всю жизнь. Но когда оно действительно приходит – это будто накатывает, накрывает с головой. И это ни с чем невозможно спутать. Тебя словно огрели чем-то тяжёлым по голове – и ты вдруг просыпаешься и понимаешь, что всё это время спал и всё прошедшее было лишь сновидением.

Он опустил ружьё и подошёл к ней.

– Я предпочёл бы сновидение.

– Конечно, как и все мы! Каждый думает, что выбрал бы красную таблетку – но лишь потому, что убеждён: там будет именно то, чего он ожидает. Каждый думает, что предпочёл бы горькую правду воодушевляющему вранью – потому что уверен, что знает, какая она, эта горькая правда. Но на самом деле мы этого не знаем и знать не хотим, не готовы принять правду – и поэтому сами не замечаем, как глотаем свои синие таблетки и продолжаем жить в своих иллюзиях.

– Почему ты хочешь вернуться? Тебе было плохо со

мною?

– Ты не понимаешь. Думаешь, от хорошей жизни становятся такими, как я? Мне больно, я не приемлю свою сущность – и поэтому каждый день придумываю новую. Не приемлю реальность – и поэтому живу в своих фантазиях.

– Почему же тебе так больно? Что в твоей жизни не так? Твои родители – прекрасные люди, они тебя любят и заботятся о тебе.

– Всё в моей жизни как надо. Что-то не так – у меня в голове. Порой мы сначала чувствуем, что нам плохо – и лишь потом начинаем искать причину этого. Чаще всего находим, хотя не всегда правильно. А я вот не знаю, почему мне плохо, я просто такая. Как рождаются люди без руки или ноги – так у меня чего-то важного не хватает в мозгу. Я словно брожу по жизни в какой-то полутьме – и на ощупь угадываю очертания собственной личности!

Виталик бросил ружьё, сел на пол и закрыл руками лицо. Слезы брызнули из глаз, и он гневно процедил сквозь зубы:

– Все мы в этой чёртовой полутьме! Я уже сам не понимаю, кто я и что делаю, где я и как сюда попал! Как же всё это получилось-то? Что происходит вообще?!

– Давай я расскажу тебе, что происходит на самом деле.

Она села рядом и нежно, как ребёнка, погладила его по голове.

– На самом деле меня тут нет. Ни твоей жены, ни моего отца, ни деда Артемия. Ни ружья, ни снаряда, ни полиции.

Всё это – плод твоего воображения.

Ты увидел меня однажды в окне, влюбился – вот и фантазируешь о том, как увозишь меня из дома и катаешь по всей Сибири. Ты не знаешь, что я за человек – вот и придумываешь себе каждый день новую Дарию. И твой разум нашёл этому рациональное объяснение в виде моей болезни – легче думать, что это я больна, а не ты.

Твой ребёнок погиб от взрыва – и этот кошмар преследует тебя, вторгаясь даже в самые романтические твои фантазии. Ты боишься, что нечто подобное произойдёт и со мной – вот твои страхи и сотворили деда Артемия с его снарядом.

На самом деле ты сейчас совершенно один, сидишь на полу в больничной палате три на четыре метра. Серые шершавые стены с желтоватыми подтёками, скрипучая кровать с рваным матрасом, узкая форточка с толстой решёткой, покосившийся столик с бумагой и цветными карандашами, ржавая жестяная раковина, в которую постоянно капает вода, лампа без абажура на оголённом проводе.

Прямо сейчас к железной двери твоей палаты подошли двое врачей. Оба в очках и в белых халатах. Они подняли створку и смотрят на тебя через окошко. Один наклоняется к другому и говорит:

– Ну что, коллега, кто он у нас сегодня?

А тот отвечает:

– Сегодня он у нас сказочный принц. Увёз прекрасную принцессу из заточения.

- Ну-ну, занятно, занятно. И что же принцесса?
- А она, не будь дура, просит вернуть её назад.

май – июль 2023

Первое вандемьера

Pute

*романтическая повесть
в трёх концертах*

Пролог

Музыковед Рудольф Зальцман первым выдвинул эту скандальную теорию: будто самые известные сочинения нашего выдающегося композитора и дирижёра Алексея Степановича Ветлугина, созданные им между 1903-м и 1906-м — на самом деле написал вовсе не он. Якобы он присвоил себе работы другого автора, имени которого Зальцман, однако, не называет. Поскольку Ветлугин был известен консервативными взглядами, не раз выражал симпатии к самодержавию, был противником революции и остаток жизни провёл в Париже, новая власть не могла упустить столь удобную возможность очернить его имя. Поэтому статья Зальцмана повлекла за собой целые тома журнальных публикаций, в которых идея плагиата развивалась и обрастала подробностями. Там можно встретить добрый десяток имён людей, которым приписывалось авторство спорных композиций. Среди них

едва ли не все персонажи этой истории.

Основанием для возникновения подобной теории служило то, что сочинения эти на порядок выше всего, что Ветлугин писал раньше и особенно позже. Можно смело сказать, что если бы не они, его имя не заняло бы столь значительно-го места в истории музыки и произведения его не звучали бы столь часто. При жизни он был гораздо более известен как дирижёр – и по сей день мы бы вряд ли знали, что он вообще писал музыку, если бы не этот разительный перелом, заметный даже для человека, ничего в музыке не смыслящего. В какой-то момент Ветлугин вдруг словно переродился и стал сочинять совсем в другом стиле и на принципиально ином художественном уровне. А потом постепенно откатился назад и в последние годы писал ещё хуже, чем прежде.

В настоящее время доподлинно известно и бесспорно доказано, что эту музыку написал сам Ветлугин. В этом не осталось сомнений. Однако версия плагиата продолжает ходить в народе, поскольку в его биографии, сколь бы тщательно её ни исследовали, так и не нашли оснований для столь резкой перемены стиля и качества композиций. В его жизни, казалось бы, не произошло ничего столь значительного, чем это могло бы быть спровоцировано.

Однако часто наиболее важные события внутренней жизни человека никак не проявляются вовне и не оставляют документальных свидетельств. Как бы ни была сложна и интересна вселенная, личность порой заключает в себе вселен-

ную ещё более сложную и интересную, которая навеки остаётся непознанной. Причины, конечно, были, но, несмотря на их грандиозную значимость для конкретных людей, они не оставили никакого следа в истории. Мои герои не только унесли эту тайну с собой в могилу, но даже между собой никогда не обсуждали этого вслух.

Первый концерт

1

Весна давно была в разгаре, но зима всё никак не хотела уступать ей место. Солнце уже неделю не выглядывало из-за туч, ледяной ветер пронизывал насквозь и выворачивал зонты наизнанку, мокрый снег хлестал в лицо, ноги месили противную слякоть.

Эта привычная для жителей столицы погода угнетающе действовала на Алексея Степановича всякий раз, когда он приезжал туда из своего подмосковного имения. В тот день дурное настроение его подкреплялось ещё и адской болью в спине, которая помешала как следует выспаться в поезде.

Давно знакомый кучер Семён встретил его на перроне Николаевского вокзала и повёз в Дворянское собрание, где через три дня Ветлугин должен был управлять оркестром в Первом концерте Брамса. Солистом заявлен был Владимир Витальевич Шнеер. Они оба в то время были в числе самых

известных музыкантов страны. Билеты на их концерты раскупались за несколько месяцев. К тому же они были давние друзья и с удовольствием играли вместе. Брамс давно уже был коронным номером их совместного репертуара, и на то, чтобы освежить его в памяти, отведены были всего две репетиции.

Алексей Степанович предпочитал репетировать сразу же по приезде и лишь потом заселяться в номер. Поэтому в белоколонном зале его уже должны были ждать наготове оркестр и Шнеер, приезд которого в Петербург ожидался днём ранее.

Однако, приехав на место, Ветлугин с удивлением обнаружил, что музыканты беспорядочно бродят по залу, даже не расчехлив инструменты. Стало быть, случилось нечто непредвиденное и репетиция под вопросом. Но зачем тогда они вообще собрались и почему не расходятся?

Иван Трофимович Кобылянский – концертмейстер альтов и по совместительству главный сплетник оркестра – как обычно, был весел и болтал без умолку. Радостно обняв прибывшего дирижёра, он поспешил объяснить ситуацию:

– Как Вам такое, дорогой Алексей Степанович? Только представьте: Владимир Витальевич неожиданно заболел.

Это было очень непохоже на Шнеера – всегда крайне пунктуального и ответственного.

– И что же теперь, репетиция отменяется? – в недоумении спросил Ветлугин.

– Не могу знать. Нам велено не расходиться и ждать новостей.

– Какие могут быть новости, ежели у нас нет солиста? Без Шнеера концерт однозначно будет перенесён.

– Не скажите. Прошёл слух, что ему вышлют замену.

– И что же, замена приедет прямо сейчас сюда? Или Урусевич рассчитывает, что мы будем репетировать без солиста?

– Не спешите корить Урусевича, он сам в замешательстве. Шнеер телеграфировал всего двадцать минут назад. Небывалый случай!

Алексей Степанович сел в кресло в первом ряду. Поясница ныла смертельно, сюртук был насквозь мокрый, и Ветлугин даже не знал, стоит ли его снять или ехать напрямиком в гостиницу.

– Чёрт знает что такое, – выругался он. – Это абсурд. Шнеера заменить невозможно. Быть скандалу.

– Урусевич обещался с минуты на минуту сообщить нам своё решение.

– И что нам теперь, сидеть и ждать?

– Иван Трофимович! – вдруг подошёл к ним виолончелист Касымов. – Вы же всегда всё знаете. Неужели нет никаких подробностей об этой загадочной внезапной болезни Шнеера?

Кобылянский натянул свою обычную лукавую ухмылку.

– Как же, как же, Вы не хуже меня это знаете. Весь Петербург уже обсуждает его болезнь. Она всем хорошо известна,

кроме его жены.

– Помилуйте, Иван Трофимович, – возразил Ветлугин. – Я ещё готов поверить в нелепые слухи о его романе с этой смазливой певичкой Рощиной. Но не в то, что из-за какой-то интрижки на стороне он может взять и сорвать концерт.

– Вы недооцениваете силу любви, дорогой Алексей Степанович. Вчера вечером Рощина неожиданно-негаданно оказалась вдруг в Петербурге. Он бросил всё и помчался к ней. Видимо, до сих пор не может от неё оторваться.

– Вы её видели? – спросил обоих Касымов. – Она стоит того, чтобы терять из-за неё голову?

– Мне доводилось её встречать, – ответил Кобылянский. – Она, безусловно, красивая женщина...

– Да будь она хоть трижды Клеопатра, – перебил его Ветлугин. – Шнеер добропорядочный христианин. Он обожает свою жену и никогда её не предаст.

– Разве кто-нибудь застрахован от сего недуга? – вмешался Касымов. – Даже самые чёрствые сердца порою не избегают стрел Амура.

– Перестаньте. Всё это сплошное ребячество. Шнеер – взрослый человек, способный управлять своими чувствами. В нём сильно сознание христианского долга, и он не допустил бы разрастания в себе губительной страсти. К тому же он мой друг, и случись с ним подобное, я узнал бы об этом первым от него самого. Не далее как месяц назад я видел его в полном здравии.

– Не зарекайтесь, дорогой Алексей Степанович, не зарекайтесь, – хитро подмигнул Кобылянский. – *Полюби нас чёрненькими...*

Тут к ним подошёл чем-то встревоженный трубач Хлудов.

– Слышали, что творится на Урале?

– Вы про очередной *бессмысленный и беспощадный*? – спросил Касымов. – Мы ещё не в курсе последних новостей. Чем там дело кончилось, уже известно?

– А чего вы ждали? – ухмыльнулся Иван Трофимович. – Разумеется, подавили.

– Казаки с нагайками?

– Пулемётная очередь, – зашептал Хлудов, будто вокруг кишели шпионы охранки. – Десятки убитых. Сотни раненых.

– Знаю, – устало протянул Ветлугин, вставая и снимая сюртук. – Господа, которые провоцируют рабочих на беспорядки, в последнюю очередь думают об их благе.

– Будь их жизнь легка, кто бы их мог спровоцировать? – возразил Кобылянский.

– Стачками они себе жизнь не облегчат, – стоял на своём Алексей Степанович. – И мы давно знаем, как действуют агитаторы: не столько призывают бастовать, сколько бьют тех, кто отказывается.

– Но не стрелять же по людям! Неужели нельзя договориться по-людски? Уму непостижимо, – замотал головой Касымов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.